

очарование

ЛИЗ КАРЛАЙЛ

*Никогда
не влюбляйся
в повесу*

Семья Невилл

Лиз Карлайл

Никогда не влюбляйся в повесу

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карлайл Л.

Никогда не влюбляйся в повесу / Л. Карлайл — «Издательство АСТ», 2008 — (Семья Невилл)

ISBN 978-5-17-135762-7

Киран, барон Ротуэлл, – мот и бонвиван, кумир дам лондонского полусвета. Однако за внешним легкомыслием скрывается израненное сердце человека, много страдавшего и глубоко разочарованного в жизни. Его страсть – рискованные развлечения, а потому в азартной карточной игре он охотно принимает необычную ставку – незаконнорожденную красавицу дочь разорившегося виконта Камиллу Маршан. Теперь судьба девушки в руках Кирана. Однако барон не желает легких побед. Он намерен не просто покорить Камиллу, но пробудить в ней настоящую женщину – любящую и преданную, способную подарить ему счастье...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135762-7

© Карлайл Л., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиз Карлайл

Никогда не влюбляйся в повесу

© Susan Woodhouse, 2008

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

*Филу и Роско,
активному дуэту,
посвящается эта книга*

Пролог

На плантациях сахарного тростника

Жаркое солнце Вест-Индии немилосердно поливало огнем покрытые нежной зеленью поля, будто вознамерившись испепелить все живое на земле. Разбросанные тут и там белоснежные, с кружевными галереями дома плантаторов на фоне буйной растительности сверкали в его лучах, словно бесценные жемчужины, рассыпанные чьей-то щедрой рукой по зеленому шелку. Внутри любого из этих чудесных домов с их широкими коридорами царил прохладный сумрак, ставни на окнах были открыты, чтобы дать доступ слабому ветерку, а маленькие невольники без устали приводили в движение веера, и те трепетали под потолком, словно крылья каких-то исполинских диковинных птиц.

Эта страна была невероятно щедра к своим обитателям; дивный, волшебный край, где золото буквально можно было выжимать из земли, где его капля за каплей выдавливали скрежущие челюсти мельниц, где даже пот, выступавший на телах мужчин и женщин, работавших на плантациях сахарного тростника, имел привкус денег. Это был край сахарных баронов и богатых судовладельцев. Далекий колониальный форпост, куда не доставала рука короля, он давно уже жил по своим собственным законам.

Однако помимо английских леди, привыкших спастись от солнца в домах и нежившихся на своих диванах, и несчастных рабов, которые, невзирая на палящий зной, усердно трудились на плантациях, на этой благословенной земле жили и другие люди. Истосковавшиеся по родине моряки, которым не суждено было уже вернуться домой. Слуги, бывшие некогда свободными людьми, со временем волею обстоятельств превратившиеся в рабов. Портовые шлюхи, уличные воришки и попрошайки, бездомные дети-сироты, безгласные и незаметные, словно тени.

...Этот мир богатства и нищеты, ленивого ничегонеделания и тяжелой работы до кровавого пота был неожиданно нарушен. Двое мальчишек стремглав бежали вдоль узких рядов зеленого сахарного тростника, не замечая того, что острые, словно лезвия бритвы, листья его режут им руки и лицо, – оба запыхались и жадно хватали воздух пересохшими губами.

– Сюда! – Тот, что повыше, хлопнул второго по плечу. – Гляди, начинается болото. Уж там он нас ни в жисть не поймает!

Повернувшись, они бросились бежать вдоль края плантации, отчаянно работая худенькими локтями. Младший из мальчиков поднырнул под низко нависшую ветку дерева и стрелой понесся вперед.

Внезапно чей-то пьяный рев разорвал повисшую над плантацией сонную тишину. Знойное марево вздрогнуло, и дядюшка, топая, словно разъяренный бык, вырвался им наперерез, топча и ломая хрупкие стебли. Мальчишки обернулись и робко подались назад. Но из гущи сахарного тростника выскользнул костлявый негр, отрезав им путь к отступлению, – лицо его было бесстрастным, точно маска, только в глубине глаз пряталось что-то похожее на жалость.

– Ага, попались, маленькие ублюдки! Ну, теперь держитесь! – прорычал дядюшка, направляясь к ним твердой походкой, что было удивительным для человека, в чьих жилах вместо крови тек ром.

Младший из мальчиков испуганно всхлипнул, старший, закусив губу, молчал.

Дядюшка остановился, его глубоко посаженные, похожие на свиные глазки сузились, превратившись в две щелки. Глядя на обоих мальчишек, он игриво взмахнул хлыстом для верховой езды.

– А ну, Одиссей, давай-ка мне вон того, младшего! – скомандовал он, утирая струйку слюны, тянувшуюся из угла рта. – Я отучу этого поганца дерзить мне!

Долговязый негр шагнул вперед, протянул было руку к малышу и внезапно заколебался.

В воздухе свистнул хлыст, раздался крик – и на костлявом лице цвета эбенового дерева вспухла кровавая полоса.

– Клянусь Богом, ты схватишь этого маленького оборванца, стянешь с него рубашонку и будешь держать его, Одиссей, – и держать крепко! Иначе получишь сорок ударов кнутом, слышишь? А потом я велю швырнуть тебя в подземную тюрьму, где у тебя будет неделя на то, чтобы раскаяться в собственной глупости!

Его слова сделали свое дело – схватив малыша, Одиссей вытолкнул его вперед.

Увидев это, старший из мальчиков решительно заслонил его собой.

– Он не дерзил, сэр, – плачущим голосом пробормотал мальчуган. – Он... он не делал ничего такого. Ни словечка не проронил. Сэр, ему ведь всего восемь лет! Прошу вас... пожалуйста!

Ухмыльнувшись, дядюшка наклонился к нему, обдав мальчика запахом перегара.

– Всегда торопишься выгородить его, да, маленький кусок дерьма? – просипел он. – Ну, если уж ты такой чертовски благородный, можешь подставить свою задницу вместо его, я не возражаю! А ну, Одиссей, задери-ка ему рубашку!

Старший из мальчиков испуганно отшатнулся, но стоявший позади негр успел перехватить его.

– С-сэр... – вытаращив глаза, пробормотал он, – я... я только хотел объяснить. Ни один из нас не пытался надерзить вам. М-мы... мы ни словечка не сказали... клянусь вам! И мы вовсе не пытались передразнивать вас! Это все павлин! Это же он закричал, сэр, разве вы не помните?

Но Одиссей, не слушая его возражений, уже стягивал ветхую рубашонку через его голову. Мальчишка извивался ужом, но все было напрасно. Младший из мальчиков испуганно прижал кулачки к губам – упав на землю, он сжался в комок и затрясся в беззвучных рыданиях.

В темных глазах мальчика заблестели слезы. Одиссей, содрав с него рубашку, швырнул ее в раскисшую под ногами грязь, потом заломил ему руки вверх, не давая шевельнуться. Щуплые плечи мальчишки выгнулись, словно крылья цапли.

– Ну, маленькие ублюдки, клянусь, вы будете проклинать этот день до конца своей жизни, – отвратительно ухмыляясь, прорычал дядюшка, поглаживая хлыст, словно в предвкушении развлечения. – Да-да, я имею в виду тот день, когда вы сошли с корабля, чтобы издеваться надо мной!

Старший из мальчиков покосился через плечо.

– Прошу вас, сэр, – взмолился он. – Отошлите нас обратно! Мы уедем. Даю вам слово, вы больше нас не увидите!

В ответ тот только хрипло расхохотался и взмахнул хлыстом. По окровавленному лицу Одиссея пробежала судорога. Он молча отвернулся.

Хлыст со свистом рассек воздух и посыпались удары, размеренные и оттого еще более безжалостные. Малыш, заткнув уши и закрыв глаза, старался не слышать криков старшего брата... омерзительного звука разрываемой хлыстом кожи. А пока длилась эта пытка, жаркое солнце все так же заливало обжигающими лучами землю, поднялся легкий ветерок, и богачи в своих белоснежных особняках, подставляя истомленные жарой тела опахалам, приказывали слугам принести им холодного лимонада. Здесь, на островах, Господь Бог пребывал в своем собственном раю, и все шло своим чередом, как и должно было быть.

Когда малыш осмелился снова открыть глаза, Одиссей уже осторожно перекинул его брата через плечо и широкими шагами направился к дому, бесшумно ступая по мягкой земле, на которой рос сахарный тростник. Дрожа от страха, мальчик боязливо покосился на дядюшку.

И опрометью бросился бежать.

Глава 1

Ротуэлл встречает доктора Реддинга

В октябре в Лондоне обычно царят сырость и промозглый холод. Костлявые ветки деревьев на площадях зябко дрожат на ветру, а немногие уцелевшие листья, вместо того чтобы живописно кружиться в воздухе, липнут к мостовой или цепляются к кованым железным оградам, образуя возле них неопрятные коричневатые вороха.

Слушая, как колеса кареты с легким шорохом разбрызгивают воду, Ротуэлл сунул в рот тонкую черуту¹ и, попыхивая ею, невидящим взглядом уставился на проносившийся за окном тротуар. В это время дня город выглядел опустевшим – только иногда за стеклом мелькали чернильные пятна зонтиков, когда припозднившийся клерк или слуга пробежал мимо, спеша куда-то по своим делам. Ни одного знакомого лица, подумал барон. Впрочем, и неудивительно, усмехнулся он про себя, – он ведь почти никого не знал в Лондоне.

Дождавшись, когда экипаж свернет на угол Кавендиш-сквер и Харли-стрит, он постучал в потолок бронзовой рукояткой дорожной трости, приказывая кучеру остановиться.

– Возвращайтесь на Беркли-сквер. – В густом тумане звучный, низкий голос барона наполнил раскаты приближающегося грома. – Я вернусь домой пешком, как только покончу с делами.

Кучер почтительно тронул сложенным вдвое кнутом шляпу, хлестнул лошадей, и карета покатила прочь.

Стоя на краю тротуара, барон молча размышлял. Уж не свалил ли он дурака, явившись сюда? Возможно, его нетерпеливый нрав сыграл с ним дурную шутку, думал он, неторопливо шагая вверх по Харли-стрит. Да, возможно, все дело в этом. А в результате его ждет впереди еще одна бессонная ночь.

Накануне он вернулся домой из клуба «Сатир», когда небо на горизонте только-только начало сереть – в тот предрассветный час, когда все вокруг кажется призрачным. Приняв ванну и неприязненно покосившись в сторону накрытого к завтраку стола, он скривился, изо всех сил стараясь прогнать подступившую к горлу тошноту, после чего уселся в карету и отправился в Доклендс, в контору компании, принадлежащей их семье, с единственным желанием убедиться самолично, что в отсутствие сестры все идет как надо. Однако визиты в «Невилл шиппинг» неизменно приводили барона в дурное расположение духа – главным образом потому, что он – как он сам постоянно твердил – не желал иметь с проклятой компанией ничего общего. Так что он будет только счастлив сдать дела сестре, повторял Ротуэлл, и сделает это, как только Ксантии и ее новоявленному супругу надоест шляться по свету – пусть только объявятся, как он мигом переложит эту тяжкую ношу со своих на ее плечи, а дальше пусть делает с компанией, что ей заблагорассудится!

Однако мрачное расположение духа, в котором пребывал барон, не имело никакого отношения к его нынешним заботам, и в самой глубине сердца он отлично это понимал.

Вскоре он оказался на углу Девоншир-стрит и понял, что его путешествие подошло к концу. Ему и в голову не пришло спрашивать у кого-то дорогу – не хватало еще отвечать на вопросы, которые неизбежно последуют.

И хотя Ротуэлл пробыл в Лондоне всего несколько месяцев, ему уже было хорошо известно, что Харли-стрит, где он находился, мало-помалу становится местом обитания самых модных и процветающих из числа современных Гиппократов.

¹ Черута – манильская сигара, сорт сигар с обрезанным концом. – *Здесь и далее примеч пер.*

В глаза ему бросилась латунная табличка с надписью: «Джеймс Дж. Реддинг, доктор медицины».

Что ж, сойдет и этот, решил он.

Он поднялся по мраморным ступеням и постучал, и через мгновение дверь приоткрылась: на пороге стояла круглолицая служанка в опрятном сером платье. Ей пришлось запрокинуть голову – так он был высок, – а потом глаза ее удивленно распахнулись. Видимо, сообразив, что имеет дело со знатной особой, горничная поспешно распахнула дверь и низко присела, после чего бросилась принять у барона пальто и шляпу.

Ротуэлл протянул ей визитную карточку.

– Я бы хотел видеть доктора Реддинга, – невозмутимо заявил он с таким видом, будто произносить подобную фразу было ему не в диковинку.

Похоже, девушка умела читать. Бросив взгляд на визитку, она снова присела в реверансе, не поднимая глаз.

– Доктор ожидает вас, милорд?

– Нет! – рявкнул он. – Но дело не терпит отлагательства.

– М-может быть, вас устроит, если доктор зайдет к вам домой? – робко предложила она.

В ответ Ротуэлл наградил девушку испепеляющим взглядом.

– Ни в коем случае, – процедил он. – Об этом не может быть и речи. Надеюсь, это понятно?

– Да, милорд. – Слегка побледнев, девушка сглотнула. – Извините, милорд, но в настоящий момент доктора нет дома. Он поехал к пациентам с визитами, – вежливо объяснила она. – Вероятно, он вернется чуть позже.

К такому повороту событий Ротуэлл был не готов. Он давно уже привык всегда получать все, что он хочет, причем немедленно. Должно быть, это было написано у него на лице, потому что девушка поспешно добавила:

– Возможно, вы предпочитаете подождать, милорд? Тогда я подам вам чай.

Но чай его не интересовал. Охваченный раздражением, Ротуэлл сорвал шляпу с вешалки и повернулся к двери. С него хватит, решил он.

– Может быть, что-нибудь передать? – Девушка с нерешительным видом протянула ему пальто. – Возможно, вы заглянете еще раз... завтра утром?

Ротуэлл почувствовал непреодолимое желание бежать отсюда как можно скорее. Вероятно, кто-то сочтет терзающие его страхи глупыми – пусть так, он будет и дальше бороться с ними в одиночку.

– Нет, благодарю вас, – буркнул он, открыв дверь. – Только не завтра. Как-нибудь в другой раз.

Он так торопился поскорее уйти, что не заметил высокого, худощавого мужчину, как раз в этот момент поднимавшегося по ступенькам, и в результате едва не сшиб его с ног.

– Добрый день, – проговорил незнакомец, отодвинувшись в сторону и вежливо приподняв шляпу. – Я доктор Реддинг. Могу я быть вам чем-нибудь полезен?

– Дело, не терпящее отлагательства, вот как? – десятью минутами позже задумчиво проговорил доктор Реддинг. – Но если вы убеждены, милорд, что дело настолько срочное, то почему тянули так долго? Вот что мне непонятно.

Доктор оказался темноволосым костлявым мужчиной с крючковатым носом и глубоко посаженными глазами. Словом, типичная Старуха с Косой, правда, в мужском варианте и без капюшона на голове.

– Если это случается и тут же проходит бесследно, сэр, – запротестовал Ротуэлл, – вы бы тоже решили, что особой срочности нет. Вот и я так подумал. Решил, что пройдет и теперь.

– Хм-м... – неопределенно промычал доктор, оттянув Ротуэллу нижние веки. – Кстати, а что именно вы имеете в виду, милорд?

Ротуэлл обиженно нахохлился.

– Диспепсия, – наконец раздраженно выплюнул он. – Подцепил эту дрянь в Малайзии. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

При этих словах взгляд доктора вдруг непонятно почему стал пустым.

– Ну, думаю, дело тут не только в одной диспепсии, милорд, – пробормотал Реддинг, пристально разглядывая левый глаз Ротуэлла. – Иначе... Кстати, мне очень не нравится этот цвет...

Ротуэлл раздраженно крякнул.

– Я совсем недавно вернулся из Вест-Индии, – недовольно буркнул он. – Наверное, слишком много времени проводил на солнце.

Доктор наконец оставил в покое его глаз и, отодвинувшись, скрестил руки на груди.

– Обычный загар, говорите вы? – с легким раздражением в голосе повторил он. – Нет, сэр, думаю, вы ошибаетесь. Кстати, говоря о цвете, я имел в виду ваши глаза, а отнюдь не кожу. Так вот, что касается глаз... мне не нравится желтоватый цвет белков. Это весьма неприятный симптом, и вы это отлично знаете. Иначе такой человек, как вы, милорд, никогда не пришел бы сюда.

– Такой человек, как я?..

Доктор пропустил эти слова мимо ушей. Вместо ответа он провел пальцами под нижней челюстью Ротуэлла, после чего принялся ощупывать его горло.

– Скажите, милорд, вы случайно не могли подцепить там малярию?

Ротуэлл рассмеялся.

– Малярию? Слава богу, нет! По-моему, это единственное, чего мне удалось избежать, – хотя малярия считается проклятием тех мест.

– Вы много пьете?

По губам Ротуэлла скользнула мрачная усмешка.

– Возможно, – пробурчал он.

– Вдобавок вы употребляете табак, – продолжал доктор. – Во всяком случае, я чувствую характерный запах.

– И что? Какие-то проблемы?

– Излишества любого рода всегда заканчиваются проблемами, – туманно ответил доктор.

Ротуэлл опять издал какое-то невнятное ворчание. Еще один моралист на его голову, недовольно подумал он. Только этого ему не хватало!

Доктор быстрым движением отдернул тяжелую портьеру, прикрывавшую часть стены возле двери в кабинет. Звякнули металлические кольца.

– Прошу вас, пройдите сюда, милорд. Снимите пальто, сюртук, жилет и рубашку. А когда разденетесь до пояса, ложитесь на стол.

Ротуэлл принялся расстегивать шелковый жилет, мысленно проклиная доктора, отвратительную, тянущую боль в желудке, изводившую его вот уже сколько дней, а заодно и самого себя. Жизнь в столице сведет его в могилу, мрачно подумал он. Праздность, словно яд, отравляла кровь, сводила его с ума. Он чувствовал, как этот яд разливается в его жилах, но ему не хватало решимости встряхнуться и покончить с этим навсегда.

Он, к счастью, всегда был здоров как лошадь. И не нуждался ни в чьей помощи – ни врачебной, ни какой-то другой.

Он слышал, как доктор Реддинг открыл дверь и вышел из кабинета. Барон разделся и, повесив одежду на вбитый в стену крюк, принялся оглядывать комнату. Неожиданно она оказалась роскошной – мраморный пол, тяжелые бархатные портьеры, всю дальнюю часть комнаты занимал массивный письменный стол. Посреди комнаты возвышался еще один стол – высокий,

обтянутый кожей. Ротуэлл саркастически хмыкнул – похоже, пациентам доктора Реддинга удавалось прожить достаточно долго, чтобы оплатить подобную роскошь. Что ж, выглядит обнадеживающе, решил он.

Ротуэллу бросился в глаза стоявший позади стола поднос с разложенными на нем медицинскими инструментами. Воровато покосившись через плечо, барон на цыпочках подкрался к нему и принялся разглядывать блестящие металлические штучки. По спине у него пробежал холодок, кожа покрылась мурашками. Скальпель и целый набор стальных ланцетов угрожающе сверкнули, и барон невольно попятился. Кроме них он заметил ножницы, хирургические щипцы, пинцеты и иголки – и кучу каких-то еще инструментов, предназначение которых оставалось для него тайной. Ротуэлл почувствовал, как его бьет дрожь.

Господи помилуй, какой черт принес его сюда?..

Но сегодня утром... сегодня утром его вдруг скрутило, как никогда до этого. Ротуэлл скривился. Он до сих пор чувствовал кислый металлический привкус во рту... помнил едкую горечь, подкатившую к горлу, и дикую боль, когда судорожные спазмы выворачивали его наизнанку так, что, казалось, вот-вот затрещат и сломаются ребра.

Ад и все его дьяволы! Придется остаться и выслушать все, что этот доктор Реддинг с его угрюмой физиономией соблаговолит ему сказать. Чтобы выкинуть из головы все мысли о том, что ему довелось пережить этим утром, барон взял с подноса наиболее устрашающий из медицинских инструментов и принялся разглядывать его. Что это за чертовщина такая, озадаченно подумал он. Средневековое орудие пыток?

– Хирургическая пила для трепанации черепа, – невозмутимо проговорил голос у него за спиной.

Подпрыгнув как ужаленный, Ротуэлл швырнул проклятую железяку обратно на поднос. Потом обернулся – доктор, неслышно войдя в комнату, стоял позади него.

– Впрочем, могу вас успокоить, милорд, – так же бесстрастно продолжал доктор, – не думаю, что сегодня у нас возникнет необходимость проделать в вашем черепе дырку.

Хотя пик лондонского сезона миновал уже несколько недель назад, джентльмен, элегантно откинувшийся в блестящем черном ландо, ловил на себе немало взглядов, что было и неудивительно, ведь он был весьма привлекателен, даже красив, и его хорошо знали в свете. Увы, даже его красота не мешала лондонскому светскому обществу относиться к нему весьма прохладно, а представители столичного бомонда не упускали случая снисходительно заметить, что он, мол, не слишком приятный человек.

Граф де Валиньи – хотя лучшая пора его жизни давно прошла, и к тому же его по пятам преследовали нетерпеливые кредиторы – был одет с чрезвычайной изысканностью: внимательный взгляд тут же отметил бы стремление графа строго следовать велениям парижской моды. Свои безупречные туалеты граф носил с той аристократической небрежностью, которая свойственна преимущественно французам. Рядом с ним, гордо расправив плечи, сидела молодая женщина поразительной красоты, которую окружающие, само собой, принимали за его последнюю возлюбленную, ведь всем в свете было хорошо известно, что граф де Валиньи меняет женщин как перчатки.

День между тем клонился к вечеру, а поскольку стоял как-никак октябрь и к тому же довольно промозглый, неудивительно, что толпа желающих подышать в Гайд-парке свежим воздухом постепенно стала редеть. Вскоре в парке не осталось никого, кроме парочки жизнерадостных юнцов, гарцевавших верхом, да ландо, битком набитого вдовушками – те неодобительно поджимали губки, но не устаивали сидевшую возле графа красавицу ни единым взглядом. А это, с точки зрения самого графа де Валиньи, было самым настоящим позором. Повернувшись, он бросил нетерпеливый взгляд на обоих юных джентльменов, и в глазах его появилось какое-то тоскливое выражение.

– Боже мой! Камилла! – жалобно простонал он, с горечью взглянув на ее прекрасное лицо. – Выше голову! Смотри веселей! Кто захочет еще раз взглянуть на женщину, если она не стоит и одного-единственного взгляда? А ты сидишь с таким видом, будто я везу тебя на гильотину!

– А разве нет? – процедила его спутница, смерив графа взглядом. – Сколько я уже здесь? Шесть недель, *n'est-ce pas?*² Шесть недель – в этой промозглой сырости, от которой выть хочется! Да еще все эти ханжи при виде нас обоих воротят нос! Тоска такая, что скоро и гильотина покажется развлечением.

– Проклятье, Камилла! – Взбешенный граф шелкнул кнутом, и лошади помчались рысью. – Ты просто неблагодарная маленькая дрянь!

Женщина высокомерно расправила плечи, даже сейчас не желая откинуться на мягкую спинку сиденья.

– Возможно, ну и что? – пробормотала она себе под нос – обращаясь не столько к нему, сколько к себе. – Жалко, что сейчас не весна. Может быть, тогда твой идиотский план и сработал бы.

Услышав это заявление, граф расхохотался во весь голос.

– Сладкая моя! Боюсь, ты можешь просто не дожидаться весны!

В ответ она смерила его презрительным взглядом.

– Да, возможно, – согласилась она. – Впрочем, как и ты... папочка!

Памела, леди Шарп, стояла в гостиной у окна. Облокотившись на спинку стула, она любовалась городской суетой Мейфэра, где в этот час кипела жизнь. Она так засмотрелась, что не сразу заметила в толпе высокого мужчину в темном плаще, который, похоже, куда-то спешил. Скользнув по нему беглым взглядом, она тут же забыла о нем, потому что как раз в этот момент дождь перестал наконец моросить, тучи, с утра обложившие небо, раздвинулись, и между ними блеснул лучик солнца.

Возможно, завтра появятся первые посетители, подумала она. Да, наверняка. К тому же она уже достаточно хорошо себя чувствует – во всяком случае, настолько, чтобы принимать гостей. Сказать по правде, она умирала от желания насладиться своим торжеством. Для нее это была поистине судьбоносная неделя – впрочем, если уж начистоту, то и весь этот год оказался для нее знаменательным. Она представила ко двору только что начавшую выезжать кузину Ксантию, которая, к ее радости, имела в свете оглушительный успех, и почти сразу же после этого события чрезвычайно удачно выдала замуж свою единственную дочь Луизу за наследника графского титула.

И наконец после двадцати лет вполне счастливого брака с обаятельным лордом Шарпом Памела, ко всеобщему удивлению, решилась на такое, чего от нее точно уж никто не ожидал, – она подарила своему мужу сына и наследника, очаровательного голубоглазого мальчугана, точную копию своего отца.

– Миледи? – Неслышно появившаяся горничная подхватила графиню под руку. – Может быть, вам лучше лечь?

Именно в этот самый момент человек в темном плаще проходил мимо окна ее гостиной.

– О! – ахнула Памела, указав на него пальцем. – Смотри! Энн, останови его! Беги же за ним, слышишь? Немедленно приведи его ко мне! И поторопись!

– Мадам? – Энн озадаченно нахмурилась.

– Ротуэлл! – Леди Шарп, как безумная, забарабанила по стеклу. – Я ведь только вчера послала ему письмо! Что ты стоишь столбом, глупая?! Я должна увидеть его – немедленно, слышишь? Да беги же за ним, Энн!

² Не так ли? (*фр.*)

Энн слегка изменилась в лице – однако перечить хозяйке не осмелилась. Сбежав вниз, она велела младшему лакею бежать во весь дух по Ганновер-стрит вдогонку за лордом Ротуэллом. Лакей слегка поломался – репутация барона, его вспыльчивый, тяжелый нрав были известны всему Лондону, – но потом все же послушался. Однако, как ни странно, все обошлось. Похоже, лорд Ротуэлл уже успел расквасить носы всем, кому считал нужным это сделать, поэтому он почти безропотно позволил лакею отвести себя в дом.

Графиня приняла его в своей собственной маленькой гостиной – ради такого случая она не стала переодеваться, оставшись, как и была, в домашнем платье и изящном чепце. Когда барон вошел, она сидела, положив ножки на любимый стул своего мужа – тот самый, на котором обычно сидел лорд Шарп, когда у него разыгрывалась подагра.

– Киран, дорогой! – пробормотала она, подставив ему щеку для поцелуя. – Надеюсь, ты меня извинишь? Видишь ли, я еще не встаю.

– Конечно! – Ротуэлл уселся в кресло напротив нее. – Памела, я не понимаю, с чего на тебя вообще напала блажь принимать гостей?

Леди Шарп ослепительно улыбнулась:

– Знаешь, почему я всегда любила тебя больше всех остальных моих кузенов? За эту твою грубую откровенность, мой мальчик!

За его грубую откровенность? Похоже, эта фраза будет преследовать его весь день.

Но глаза леди Шарп сияли искренней радостью.

– Ну, мой дорогой, может, объяснишь все-таки, с чего это тебе вздумалось меня избегать?

– Видишь ли, Памела, со вчерашнего дня я практически не был дома.

– Да уж, я чуть в обморок не упала от удивления, увидев тебя на улице в дневное время. – Леди Шарп сморщила нос. – Я не в восторге ни от общества, которым ты предпочитаешь окружать себя, ни от твоего ночного образа жизни. Впрочем, не стоит об этом. Кстати, не хочешь меня поздравить?

При этих словах Ротуэлл чопорно выпрямился.

– Конечно, дорогая. Прими мои поздравления. Я благодарю Бога за то, что все обошлось, – добавил он. – Это было чертовски опасно для тебя, Памела. Я искренне рад, что все уже позади.

Леди Памела удивленно подняла свои изящно очерченные брови.

– О чем это ты? Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего особенного, Памела, – ответил он. – Просто надеюсь, тебе не придет охота повторить это еще разок.

– В моем-то возрасте? – Леди Памела метнула в его сторону насмешливый взгляд. – Я бы сказала, что это маловероятно.

– Держу пари, что все эти волнения здорово сократили Шарпу жизнь.

– Да, знаю. Поверь, мне очень жаль. – Леди Шарп, опустив глаза, играла с лентой, которой был обшит ее носовой платок. – Но, Киран, ты же сам понимаешь – Шарпу нужен был наследник.

– А что в конце концов будет с моим титулом, Памела? – наконец спросил он.

– Ты имеешь в виду – когда тебя не станет? – Леди Памела с досадой отбросила в сторону платок. – Думаю, и титул и все остальное унаследует кто-то из твоих кузенов Невиллов. Впрочем, тебе ведь это безразлично, разве не так?

– Ты права. Совершенно безразлично, – пробормотал Ротуэлл.

Леди Шарп бросила на него удивленный взгляд.

– По-моему, тебе следует немедленно этим заняться, – резко заявила она. – И не делай непонимающее лицо, Киран! Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Однако Ротуэлл старательно делал вид, что не понимает. Даже уперся руками в колени, словно собираясь встать.

– Ну, старушка, мне пора. А тебе, думаю, лучше немного отдохнуть.

– Фи! – бросила леди Шарп, повелительным жестом заставив кузена вновь опуститься в кресло. – Если кто-то из нас и нуждается в отдыхе, так это ты! Да я в жизни не видела тебя таким измученным. – Она повернулась к горничной. – Ступайте, Энн, скажите Торнтон, чтобы она принесла сюда виконта Лонгвейла. Я хочу представить его своему кузену.

Ребенок? О боже... только не это!

Ротуэлл обычно под любыми предлогами старался избегать общения с детьми. Ему казалось, все ждут, что он немедленно придет в телячий восторг. А он никакого восторга не испытывал.

Но это был не просто младенец, а сын кузины Памелы, к которой Ротуэлл был искренне привязан. В итоге барон остался – больше того, даже умудрился выдавить из себя улыбку, после чего, поколебавшись немного, склонился над пышным свертком, который нянюшка доставила сюда из детской специально для того, чтобы он имел возможность им полюбоваться.

И вдруг непонятно почему у него перехватило дыхание. Этот малыш был очарователен. Бархатистая кожа ребенка была так нежна, что казалась прозрачной, а круглые, пухлые щечки покрывал румянец того оттенка, для которого в человеческом языке просто не существовало слов.

В гостиной настала такая тишина, что Ротуэлл боялся дышать.

Внезапно малыш моргнул, и на Ротуэлла уставились два голубых глаза. Потом вдруг сжал свои крохотные кулачки, сморщился и разразился таким пронзительным воплем, которому позавидовала бы и иерихонская труба. Странное очарование, владевшее Ротуэллом, мгновенно рассеялось.

– Боюсь, лорд Лонгвейл уже по горло сыт моим обществом, – объявил он, улучив момент между двумя особенно громкими воплями.

– Чуть! – безапелляционно заявила ее светлость. – Уверена, он просто желает произвести на тебя впечатление. Признайся, Киран, тебе когда-нибудь доводилось слышать младенца с такими здоровыми легкими?

Ротуэлл честно признался, что нет. Несмотря на бесчисленные пеленки и свивальники, в которые он был туго завернут, младенец умудрялся безостановочно размахивать кулачками и при этом не переставал вопить так, словно его резали. Ротуэлл был до глубины души поражен той силой воли и упорным стремлением добиваться своего, которая исходила от этого крохотного создания – и даже почувствовал нечто вроде невольного уважения к малышу. Внезапно Ротуэлл поймал себя на том, что его губы непроизвольно растягиваются в улыбку.

В конце концов, возможно, он ошибается, и отнюдь не всё и вся в Лондоне хиреет и чахнет. Взять хотя бы этого маленького проказника – вон как орет!

Что ж, похоже, круговорот жизни, смерти и возрождения действительно представляет собой нечто вечное и неизменное. Но что он сам испытывал при мысли об этом, успокоение или гнев, Ротуэлл затруднился бы сказать.

Леди Шарп протянула руки к сыну.

– Дайте мне подержать его хоть немного, Торнтон, – попросила она, прижав извивающийся сверток к груди. – Всего несколько минут, хорошо? А после этого, думаю, будет лучше отнести его в детскую. Боюсь, мы и без того заставили лорда Ротуэлла чувствовать себя довольно неуютно.

Вместо того чтобы снова усестись в кресло, Ротуэлл подошел к одному из окон, выходящих на Ганновер-стрит. Он чувствовал, как что-то дрогнуло в его душе – и сам удивлялся этому.

Он так и остался стоять, взявшись одной рукой за ставень и невидящим взглядом уставившись на сгущавшиеся сумерки за окном. Одна мысль не давала ему покоя... Что такого

необыкновенного было в этом малыше, что поразило его до глубины души? Голос Памелы вернул его к действительности.

– Киран! – В ее обычно мягком голосе сейчас слышались металлические нотки. – Мой дорогой... с тобой все в порядке?

Словно застигнутый на месте преступления, Ротуэлл вздрогнул и обернулся. Его кузина, снова устроившись в кресле, с любопытством разглядывала его. Кроме них, в гостиной уже не было ни души.

Леди Шарп склонила головку на плечо – и сразу стала похожа на любопытную птичку.

– По-моему, ты не слышал ни слова из того, что я сказала!

– Извини, Памела, – пробормотал он. – Я задумался.

Хмыкнув, леди Шарп хлопнула по стоявшему возле нее стулу.

– Иди-ка сюда, – позвала она. – И постарайся быть хоть немного серьезным, хорошо? Это важно.

Ротуэлл, хоть и неохотно, выполнил ее просьбу. От его внимания не укрылось напряжение, сквозившее в голосе кузины. И почему-то это ему страшно не понравилось.

– Киран, – тихо проговорила она, – ты по-прежнему встречаешься с Кристиной?

Вопрос застал Ротуэлла врасплох. Кристина Эмброуз приходилась Памеле золовкой, но они были так же несхожи между собой, как небо и земля. Памела редко решалась о чем-то его просить, собственно говоря, он вообще не помнил, чтобы такое случалось.

– Мы с миссис Эмброуз изредка встречаемся – когда у нас появляется такое желание, – недовольно буркнул он. – А в чем дело? Шарп снова чем-то недоволен?

– Господи, конечно, нет! – отмахнулась леди Шарп. – Моему мужу хорошо известно, что он не имеет никакого права читать нотации сводной сестре, да он и не пытается. Но вы двое... послушай, Киран – надеюсь, дело не зашло... м-м-м... слишком далеко? Кристина не из тех женщин, которые готовы с легкостью согласиться... Господи, даже не знаю, как сказать...

Ротуэлл помрачнел. Он не имел привычки обсуждать с кем-то свою личную жизнь.

– Боюсь, Памела, мои отношения с миссис Эмброуз никого не касаются, – холодно заявил он. – Но если ты имеешь в виду какие-то постоянные отношения, то об этом и речи нет.

Лицо леди Шарп внезапно прояснилось.

– Нет-нет... конечно, нет, – повторила она, словно уговаривая себя. – Кристина, безусловно, очаровательна, но...

– Памела, – решительным тоном перебил он, – ты вступаешь на опасную почву. Мне показалось, ты собиралась о чем-то меня попросить? Тогда давай.

– Ах да, конечно, – спохватилась Памела, оправив складки своего изящного домашнего платья. – Во вторник крестины, Киран. И я бы хотела... да, я уже все решила. И хочу попросить тебя быть крестным моего сына, юного лорда Лонгвейла. Знаешь, я так радовалась, когда после всех этих долгих лет ты наконец оставил Барбадос и вернулся в Англию. О, так ты согласен, дорогой? Прошу тебя, скажи «да»!

Ротуэлл, вскочив с кресла, вновь подошел к окну. Повернувшись спиной к Памеле, он долго молчал.

– Нет, – наконец пробормотал он, тихо, но решительно. – Нет, Памела. Прости. Это совершенно невозможно.

Он услышал за спиной слабый шелест шелка, словно его кузина встала. Он не ошибся – через мгновение ее рука легко легла ему на плечо.

– О, Киран! – воскликнула она. – Кажется, я догадываюсь, о чем ты думаешь.

– Нет, – хрипло буркнул он. – Нет... уверяю тебя, ты не можешь этого знать.

– Ты считаешь, что из тебя не получится хороший крестный моему мальчику. – Леди Шарп сжала его плечо. – Но уверяю тебя, ты ошибаешься, мой дорогой! Больше того, я просто

уверена, что это не так. Ты – замечательный человек, Киран, умный, волевой, целеустремленный. Ты не умеешь лукавить. Ты всегда привык говорить то, что думаешь. Ты...

– Нет! – Барон с силой ударил кулаком по подоконнику, словно надеялся, что от боли в голове у него прояснится. – Проклятье, ты разве не слышала, что я сказал, Памела? Нет. Это абсолютно невозможно!

Леди Шарп отпрянула, по ее лицу было видно, как больно задел ее отказ.

Почувствовав это, Ротуэлл повернулся к ней, ласково провел рукой по ее волосам.

– Прости меня! – отрывисто бросил он. – Мне нужно следить за своим проклятым языком...

– Это не важно, – перебила Памела. – Я-то ведь знаю, что в глубине души ты добр и великодушен, Киран. А слова... это не главное.

– Умоляю тебя, не утруждай себя перечислением моих добродетелей, Памела, – уже более мягким тоном попросил он. – Тем более что список получится весьма коротким. Благодарю тебя за оказанную мне высокую честь, но подыщи для этого кого-то другого.

– Но... Но нам бы хотелось, чтобы крестным был ты, – тихо сказала она. – Мы с Шарпом долго обсуждали эту тему. И мы оба считаем, что более подходящего человека для этой роли...

– Прошу тебя, Памела, оставим это, – перебил он. – Не нужно меня просить – я не могу. Бог свидетель, мне с моим отвратительным характером подобная задача вряд ли по плечу – хоть ты и не можешь с этим смириться.

– Послушай, ты не понима...

– Нет, моя дорогая. – Ротуэлл с удивительной нежностью взял ее руку в свои и подвел ее к креслу. – Это ты не понимаешь, Памела. А теперь садись и положи ноги вот сюда. Тебе необходимо отдохнуть. А мне пора уходить.

Добравшись до кресла, леди Шарп, опершись рукой о подлокотник, устало опустилась в него.

– Когда возвращаются Нэш с Ксантией? – спросила она. – Очень надеюсь, они не откажутся стать крестными моего мальчика.

– Завтра, – ответил барон, ласково похлопав ее по плечу. – Попроси Нэша быть крестным отцом. Вот увидишь, он будет в восторге и сочтет это за величайшую честь. Нэш ведь до сих пор не уверен, что он нам нравится.

– А он нам нравится? – Леди Шарп вскинула на него глаза.

Ротуэлл подумал.

– Более или менее, – кивнул он. – И потом – мы обязаны уважать выбор Ксантии, не так ли? К тому же чем больше я об этом думаю, тем больше радуюсь, что в случае чего под рукой всегда есть Нэш.

– В случае чего? Что ты имеешь в виду? – Графиня растерянно моргнула.

Ротуэлл заставил себя улыбнуться:

– Да ничего особенного, Памела. Ну а теперь я должен идти.

Его кузина огорченно шмыгнула носом.

– Жаль. Я надеялась, ты пообедаешь с нами, – пробормотала она, снова взявшись расправлять складки своего домашнего платья. – И куда тебе торопиться? Тебя ведь никто не ждет дома к обеду, верно?

Ротуэлл, наклонившись, поцеловал ее в щеку.

– Нет. Ты ведь знаешь, что я волк-одиночка.

И, проговорив это, он стремительно вышел из комнаты прежде, чем Памела успела что-то возразить.

Глава 2

Граф де Валиньи устраивает у себя карточную игру

Граф де Валиньи, небрежно держа колоду, с привычной ловкостью тасовал карты, и тонкие пальцы его своей гибкостью смахивали на клубок копошащихся угрей. В этих движениях было что-то завораживающее – усталые и пресыщенные взгляды гостей были прикованы к его рукам. Забыв обо всем, они зачарованно следили, как с легким шорохом, сменяя друг друга, мелькают карты, а огромный рубин в перстне графа, вспыхивая при каждом движении, бросал на них кроваво-красные отблески, придавая всей этой сцене какой-то зловещий оттенок.

В эту ночь их было пятеро за карточным столом в доме графа, и каждый из этих пятерых своей распушенностью мог поспорить с остальными. Игра, которую затеял Валиньи, именовалась «двадцать одно», минимальная ставка составляла пятьдесят фунтов, и после нескольких часов, которые эти пятеро провели за карточным столом, воздух в комнате, пропитанный табачным дымом, несвежим дыханием и испарениями разгоряченных человеческих тел, казался спертым. Наконец барон Ротуэлл, весь вечер остававшийся в выигрыше, не выдержав, встал и поднял вверх створку окна.

– *Merci, mon ami*³, – с легкой усмешкой бросил граф де Валиньи в сторону Ротуэлла, и последняя карта, выпорхнув из его пальцев, с легким шелестом легла на украшенную золотой инкрустацией крышку стола. – Чертовски напряженная игра, вы не находите?

На лицах двух сидевших за столом джентльменов ясно читалось отчаяние. Собственно говоря, примерно те же чувства должен был бы испытывать и сам хозяин, однако за все те долгие месяцы, на протяжении которых барон Ротуэлл оказывался с графом де Валиньи за карточным столом, ему ни разу не доводилось видеть, чтобы на лице графа отразилась хотя бы тень сомнения – даже в тех случаях, когда тому случалось проиграться в пух и прах. Валиньи всегда играл по-крупному, часто проигрывал все до последнего гроша, но при этом неизменно подписывал долговые расписки той же твердой рукой, что и сдавал карты. Правда, в тех случаях, когда ему случалось выигрывать, суммы выигрыша были фантастическими. Граф был прирожденным игроком – игроком до мозга костей.

– Удачи, господа. – Карты были снова сданы. Объявили ставки, и игра началась. Граф небрежно сбросил первую карту – даму пик – и на губах его появилась легкая усмешка.

– Будь я проклят! – заплетающимся языком пробормотал сэр Ральф Генрис, в ошеломлении уставившись на черную даму. – Второй раз подряд! Послушайте, Калверт, вы ручаетесь, что хорошо перетасовали колоду? Вы уверены в этом?

– Вы же своими глазами это видели! – огрызнулся тот. – Господи помилуй, вы-то чего жалуетесь, хотел бы я знать? В отличие от вас я вот-вот пойду ко дну. Дайте ему еще одну, граф. Может, после этого он перестанет ныть.

Сэр Ральф поднял на него мутный взгляд.

– И вовсе я не ною, – с трудом пробормотал он, едва ворочая языком. – Стойте... а куда подевались все эти девки?! Настоящие шлюхи, конечно, но... черт возьми! Мне приглянулась та, с... как вы назвали ту штуку? Ну, ту, из черной кожи, и еще другую... нет, погодите-ка, сейчас вспомню... Проклятье, Валиньи, что-то я плохо соображаю...

– Это было позавчера, мой друг, – услужливо подсказал граф де Валиньи. – А сегодня у нас карточная игра, Ральф. Берите карту или отправляйтесь домой.

Бегло взглянув на свои карты, Ротуэлл отвернулся от стола и без особого интереса окинул глазами комнату, где по углам, куда не доставал свет свечей, уже потихоньку сгущались тени.

³ Благодарю, мой друг (*фр.*).

Он до сих пор не мог понять, почему поддался уговорам де Валиньи приехать к нему сыграть в карты. Тем более что общество, в котором вращался граф, даже по меркам Ротуэлла, выглядело весьма сомнительным. Однако в последнее время он стал замечать за собой явное тяготение к подобной сомнительной компании – в поисках развлечений барон опускался все ниже и ниже, словно испытывая странное и болезненное желание изучить ту грязь, что обычно скапливается на дне клоаки, высокопарно именуемой светским обществом.

Повинуясь этому стремлению, он и наткнулся на Валиньи – сейчас он даже затруднился бы сказать, когда и где произошла их встреча. Он бы несколько не удивился, если бы это случилось в Сохо – граф, которого не пустили бы ни в один великосветский карточный клуб, уже стал постоянным обитателем этого адского котла, пожравшего немало азартных душ. Впрочем, коль скоро уж об этом зашла речь, стоит отметить, что перед ним уже давно захлопнулись двери всех более или менее приличных клубов. И если барона Ротуэлла высший свет едва знал, то графа де Валиньи столичное общество попросту не желало знать. К тому же в его прошлом числилась парочка давнишних скандалов – поговаривали об одной опозоренной графине и о дуэли на пистолетах, которая вслед за этим последовала.

– Еще карту, милорд? – Граф небрежным движением большого пальца наполовину выдвинул карту из колоды, щегольской кружевной манжет при этом движении сполз вниз, закрыв ему руку до основания пальцев. Ротуэлл, наклонив голову, с интересом следил за тем, что будет дальше. Валиньи легким щелчком отправил карту через весь стол.

Где-то в глубине дома часы пробили час. Игра продолжалась, азарт охватил всех. Сидевшие за столом, казалось, с каждой минутой становились все беспечнее. Мистер Калверт, самый приличный из всей этой пестрой компании, очень скоро обнаружил, что проигрался в дым – вот вам награда за добродетель, с циничной иронией подумал Ротуэлл. В отличие от него Валиньи везло – графу дважды подряд пришло двадцать одно, один раз благодаря пиковой даме, – но потом счастье вновь отвернулось от него.

Неслышно появившийся в комнате лакей принес новую бутылку бренди и еще не распечатанную коробку черных горьких черут, которым отдавал предпочтение граф. Ротуэлл прикурил одну из них. Второй лакей поставил на стол блюдо с небольшими сэндвичами.

Лорд Эндерс, один из пяти сидевших за столом, мог смело считаться наиболее злобным и порочным из всех. Ему были хорошо известны все колкости, способные заставить графа выйти из себя, и он не брезговал ничем, чтобы добиться своего. Вскоре Ротуэлл понял, что незаметно для себя спустил шесть тысяч фунтов – сушая ерунда по сравнению с проигрышами Валиньи и Калверта. Не отрываясь от игры, он сделал знак лакею, чтобы тот подлил ему бренди в бокал.

Следующим сдавать должен был он. Валиньи, вошедший в азарт, поднял ставку, словно надеясь, что Ротуэлл принесет ему долгожданную удачу. Барон окинул взглядом свои карты – две черви и король бубен. И две трефы уже вышли. Похоже, удача окончательно отвернулась от него, угрюмо подумал он.

– Откуда эта нерешительность, друг мой? – с насмешкой в голосе бросил Валиньи. – К черту сомнения! Смелее! В конце концов, это всего-навсего деньги!

– И это говорит человек, которому никогда не приходилось ломать голову, как заработать себе на хлеб! – мрачно буркнул Ротуэлл. После чего поднес к губам бокал и сделал большой глоток бренди, гадая про себя, не пора ли преподать Валиньи хороший урок.

– Возможно, мощна у нашего друга Ротуэлла не столь пухлая, как утверждают слухи? – проговорил Эндерс тоном, в котором звучала – а может, ему только почудилась – нескрываемая насмешка.

Граф с улыбкой взглянул на Ротуэлла.

– Может быть, вам стоит побереечь наличность, милорд? – хмыкнул он. – В самом деле, если хотите, можем сыграть на что-нибудь менее интересное, чем презренный металл.

Этого было достаточно, чтобы барон мгновенно ошетинился.

– Очень сомневаюсь, – проворчал он. – А что вы предлагаете?

В ответ граф беззаботно передернул плечами.

– Не знаю... можно провести вечер за дружеской беседой, например. Чем плохо?

– Вынужден огорчить вас, Валиньи, у нас нет общих интересов, – фыркнул барон. Вытащив из кармана пухлую пачку банкнот, он небрежным жестом швырнул ее на середину стола.

– О-о, вы меня не так поняли, друг мой, – промурлыкал граф, слегка коснувшись мизинцем руки Ротуэлла, изысканное кружево его манжет на фоне загорелой кожи барона казалось особенно белоснежным. – Заберите свои деньги – и карты на стол! Если вы проиграете, я попрошу вас всего об одной маленькой услуге.

Ротуэлл убрал руку.

– И что это за услуга?

Граф насмешливо поднял брови.

– Хотите знать? Что ж... у меня очень скромная просьба. Один вечер – всего один – с восхитительной миссис Эмброуз.

Ротуэлл пришел в ярость – но, как ни странно, ничуть не удивился.

– По-моему, вы заблуждаетесь насчет моих отношений с этой леди, – хмуро проговорил он. – Миссис Эмброуз – не моя собственность.

– Non? – озадаченно переспросил граф. Похоже, он на самом деле растерялся.

– Нет, – подтвердил Ротуэлл, вернув пачку денег на прежнее место. – Так что она вольна расточать свои милости кому ей нравится.

– И именно это она и делает, – игривым тоном ввернул Эндерс.

– Ах, дорого бы я дал, чтобы знать, что это за милости! – Валиньи шутливо поцеловал кончики пальцев. – Ну, раз так, милорд, значит, по-прежнему играем на деньги. Думаю, ваше золото мне не помешает. Ведь, судя по ее виду, миссис Эмброуз обходится весьма недешево.

– Готов поклясться, она стоит этих денег, – ухмыльнулся Эндерс, бросив в сторону Ротуэлла косой взгляд. – Если, конечно, сыщется любитель дам с лошадиными зубами.

Граф расхохотался, но в этом смехе явно чувствовалась нотка нервозности. Ротуэлл, повернувшись к Эндерсу, надменно поднял брови.

– Надеюсь, сэр, говоря это, вы не имели в виду ничего оскорбительного? – невозмутимо холодным тоном осведомился он. – Мне бы очень не хотелось прерывать игру, чтобы договориться о встрече с вами на рассвете в гораздо менее приятной обстановке.

При этих словах Эндерс словно прирос к стулу.

– Если так, прошу меня извинить, – выдавил он из себя. – Ваша репутация... хм, и ваш бешеный нрав хорошо известны, Ротуэлл. Я бы сказал, ваша слава опередила вас. Но в отличие от вас миссис Эмброуз хорошо знают в столице. Все мы знаем ее уже много лет. Могу вас заверить, что сам я лично предпочитаю дам помоложе.

– *Mais oui*⁴, это точно – намного, намного моложе. Если слухи не лгут, конечно, – насмешливо промурлыкал Валиньи. – Мне говорили, милорд отдает предпочтение совсем птенчикам, едва выпорхнувшим из детской. Впрочем, насколько я слышал, подобными вкусами отличаются многие мужчины.

Лорд Эндерс давно уже заслужил репутацию извращенца. Он был дородным, немолодым вдовцом с толстыми губами и еще более пухлыми, похожими на сосиски пальцами. Ротуэлл с первого взгляда почувствовал к нему антипатию, и со временем это чувство только усилилось.

Эндерс в упор посмотрел на графа, глаза его потемнели.

– Когда в карманах достаточно денег, мужчина без труда может получить все, что ему нужно, Валиньи, – проговорил он. – Уж вы-то должны это знать, как никто другой.

⁴ Да уж, конечно (фр.).

Валиньи в ответ снова рассмеялся, только на этот раз беззаботно, без прежнего напряжения в голосе.

Эту партию Ротуэлл каким-то чудом выиграл; казалось, удача снова повернулась к нему лицом, поскольку за первым выигрышем последовало еще несколько. Но от этого разговора у него во рту почему-то остался привкус желчи.

Внезапно Ротуэлла охватило неудержимое желание положить в карман свой выигрыш и уйти. Деньги в его глазах никогда не имели особой цены – а с годами и вовсе перестали его волновать. Но его вдруг почему-то с непонятной силой потянуло домой.

Увы, он заранее знал, что, вернувшись к себе, снова примется мерить шагами пустые, одинокие комнаты, где его никто не ждет, и очень скоро тоска и одиночество вновь погонят его на улицу. Он опять будет изнывать от желания куда-то пойти... что-то сделать – лишь бы избавиться от терзающих его каждую ночь демонов.

Он снова подал знак лакею графа де Валиньи наполнить его бокал и усилием воли заставил себя расслабиться. Следующие несколько часов он не столько играл, сколько пил, решив, что с него довольно, и не желая вновь искушать судьбу, когда она повернулась к нему лицом. Калверт благоразумно решил выйти из игры, но остался сидеть возле карточного стола, потягивая портвейн. Зато сэр Ральф к этому времени был уже слишком пьян, чтобы почувствовать нависшую над ним опасность.

Вскоре азарт достиг того предела, когда игроки с лихорадочно трясущимися руками уже забывают обо всем. И если граф с самого начала играл как сумасшедший, то сейчас, казалось, он окончательно спятил, с каким-то маниакальным упорством просаживая последние деньги. Овладевшее им безумное отчаяние – одновременно с желанием во что бы то ни стало своими глазами увидеть, как вырвавшийся на свободу поток увлекает его в пучину, – уже бросалось в глаза. Можно было не сомневаться, что впереди его ждет долговая тюрьма – это было вопросом нескольких дней, если не часов.

Внезапно граф Валиньи сделал непростительную ошибку, прикупив восьмерку к имевшейся у него на руках даме пик и пятерке червей. Лорд Эндерс подсчитал свой выигрыш – две тысячи фунтов за один раз.

– Увы, моя темная королева подвела меня! – простонал граф. – О женщины! Такие ненадежные создания, вы согласны со мной, лорд Ротуэлл? Играйте, господа!

Игра продолжалась. В следующий раз всем пришлось прикупить по одной лишней карте. Через минуту сэр Ральф, когда настала его очередь ходить, внезапно запустил палец за воротник и судорожно рванул галстук, как будто ему не хватало воздуха. Типичный жест дилетанта, не осознающего, что этим он выдает себя. И, конечно, это движение не укрылось от острых глаз графа. Подобравшись, словно зверь перед прыжком, он тут же предложил вновь поднять ставки.

Сэр Ральф, рыгнув, уныло рассматривал свои карты.

– Ральф! – окликнул его Валиньи. – Вы пропускаете?

– Пропади все пропадом! – взревел тот, швырнув карты на стол. – П-перебор! Эх, и дурак же я! Нужно было остановиться еще в прошлый раз! – Воровато отведя глаза в сторону, он смущенно поерзал на стуле. – Знаете, друзья... я, п-пожалуй, п-пойду. На с-сегодня с меня достаточно.

Ротуэлл незаметно покосился на разбросанные по столу карты. Ральф не ошибся – у него действительно оказалось на руках двадцать три. Вдобавок лицо его позеленело до такой степени, что, казалось, его вот-вот вывернет прямо на стол. Валиньи добродушно пожал плечами, после чего, подхватив спотыкающегося гостя под локоток, выпроводил его за дверь и вывел в холл.

Теперь, когда Ральф убрался восвояси, граф явно занервничал – в глаза Ротуэллу бросились крупные капли пота, выступившие у него на лбу. Да, похоже, Валиньи позарез нужны были деньги, причем срочно. Однако рассчитывать, что он сможет их раздобыть, сядясь играть с Эндерсом – да и с самим Ротуэллом, – было чертовски глупо с его стороны. И тот и другой были известны в столице как одни из сильнейших игроков. Не пройдет и часа, как они вдвоем пустят графа по миру, мрачно подумал Ротуэлл, мимоходом отметив при этом, что подобная мысль не доставляет ему ни малейшего удовольствия.

Собственно говоря, весь этот вечер оказался сплошным разочарованием. Он только попусту тратил время – какая несправедливость судьбы, не так ли? Что толку пускаться во все тяжкие – пытаться одурманить себя вином, продажной любовью или чем-то еще из бесчисленного множества порочных удовольствий, если они вначале доводят тебя до скотского состояния, а после заставляют понять, во что ты в итоге превратил свою жизнь?

Но найдись у него мужество быть честным с самим собой, мысленно продолжал Ротуэлл, ему пришлось бы признать, что эти поиски запретных удовольствий бессильны помочь ему забыть, в кого – или, вернее, во что он превратился. А спиртное уже не могло заставить его отупеть до такой степени, чтобы он перестал соображать.

Когда же это началось? С отъездом сестры? Нет... не совсем. Но какая разница, черт возьми, когда именно это произошло, если вся его жизнь так или иначе пошла вкривь и вкось?!

Как бы там ни было, мрачно подумал он, нет никакого смысла торчать тут и дальше. И уж коль скоро пучина греха, в которую он кинулся, оказалась бессильна накрыть его с головой, может быть, пуля поможет ему забыться? Если человек жаждет поторопить Всевышнего, почему бы ему просто не отправиться домой, чтобы приставить к виску пистолет и не покончить разом со всем этим – вместо того чтобы сидеть здесь, слушая, как Валиньи с Эндерсом изводят друг друга ядовитыми колкостями?

Лицо графа выражало досаду и разочарование.

– Увы, джентльмены. Фортуна сегодня, похоже, окончательно покинула меня.

Барон Ротуэлл отодвинулся от стола.

– Итак, джентльмены, предлагаю забрать деньги и разойтись по домам. Будем считать, что вечер удался на славу.

– *Non!* – В глазах графа де Валиньи промелькнуло что-то очень похожее на страх. Он едва ли не силой вновь усадил Ротуэлла за стол, и на губах у него появилась улыбка. – Прошу вас, джентльмены! Мне кажется, Фортуна вновь готова обратить ко мне свое лицо. Может быть, вы, как и положено джентльменам, дадите мне последнюю возможность вернуть себе то, что я сегодня проиграл?

– А какие ставки? – тут же бросил Эндерс с вызовом в голосе. – Имейте в виду, Валиньи, никаких расписок от вас я больше не приму. Даже если произойдет чудо и вы вдруг на этот раз выиграете, это же какие-то жалкие гроши по сравнению с тем, сколько вы мне должны.

Граф недовольно поджал губы.

– Не волнуйтесь, милорд, – самое ценное я оставил напоследок, – поспешно объявил он. – Я намерен поставить на кон нечто такое, что будет небезынтересно для вас – и, возможно, выгодно мне самому.

Мистер Калверт воздел кверху руки.

– Я – только зритель, – со вздохом заявил он.

– Конечно, конечно, – закивал граф. – Я имел в виду только Эндерса. Ну и, возможно, Ротуэлла.

– Так говорите, – пожал плечами барон. – А то я уже потихоньку начинаю скучать.

Валиньи, вцепившись руками в стол, выпрямился.

– Теперь, когда сэр Ральф ушел, предлагаю аннулировать последнюю игру и сыграть заново, – проговорил он, переводя взгляд с одного лица на другое. – Победитель заберет все,

что стоит на кону. Калверт, поскольку он отказался участвовать, будет сдавать. Только одну игру, джентльмены. Что скажете?

– Чертовски странный метод отыграться, – пробурчал, пожав плечами, Калверт.

– Что именно вы собираетесь поставить, Валиньи? – осведомился Эндерс.

Граф поднял руку, призывая к молчанию, потом, оглянувшись через плечо, подозвал к себе лакея.

– Тафтон, – рявкнул он, – где мадемуазель Маршан? В своей гостиной?

Лакей, похоже, слегка растерялся.

– Простите, милорд, не могу точно сказать...

– Бог мой, так поди и отыщи ее! – велел Валиньи.

– Не имею ни малейшего представления, что за пакость вы тут задумали, Валиньи, – проворчал Эндерс, взяв в руки налитый доверху бокал. – Мы с Ротуэллом остались в выигрыше, так что нам обоим есть что терять, верно? Надеюсь, то, что вы решили поставить на кон, окажется достаточно соблазнительным, иначе я лично тут не останусь.

Граф воровато покосился через плечо.

– О, милорд, на этот счет можете не беспокоиться, уверяю вас, – медовым голосом пропел он. – Еще каким соблазнительным, пальчики оближете! Думаете, я забыл, какие у вас вкусы и какие, осмелюсь сказать, аппетиты?

– Какого дьявола? Что это еще за Маршан такая? – нетерпеливо осведомился Ротуэлл.

– Ах да, вы желаете знать, о какой особе идет речь? – Граф, покружив по комнате, уселся за стол и поднял бокал, словно желая произнести тост. – Что ж, скажу... Мадемуазель Маршан – это моя прелестная дочь. Моя незаконная дочь... она наполовину англичанка. Готов поспорить, вы еще не успели позабыть те старые слухи?

– Ваша дочь?! – перебил ошеломленный Эндерс. – Господи, спаси и помилуй, да вы что?! Вы предлагаете сыграть в карты на собственную дочь?

– В самом деле, это уж слишком, Валиньи, – присоединился к нему Ротуэлл, изучая содержимое своего бокала. – Порядочной, хорошо воспитанной девушке нечего делать в подобном месте.

Их хозяин снова тем же небрежным жестом вздернул плечи.

– О, к чему эти церемонии, джентльмены? – с циничным равнодушием бросил он. – Девушка, о которой вы печетесь, большую часть своей жизни провела во Франции – с этой гусыней, своей матушкой, которая имела глупость забеременеть от меня. Не сомневаюсь, она выросла достаточно искушенной, чтобы сообразить, что к чему.

Эндерс вытаращил глаза.

– Уж не хотите ли вы сказать, что эта девушка – дочь леди Холбурн? – возмутился он. – Вы что, Валиньи, окончательно сошли с ума?!

– Я – нет. А вот за вас не поручусь, особенно когда вы ее увидите, – На лице Валиньи появилась хорошо знакомая им всем ухмылка. – *Vraiment*⁵, друзья мои, эта девушка – настоящая жемчужина, вылитая мать. Какое личико, какие зубы, какая грудь... в ней все безупречно, клянусь вам! Все, что ей нужно, – это мужчина, который даст ей возможность занять то положение, которого она заслуживает, и позволит вести соответствующий образ жизни.

В этот момент дверь гостиной распахнулась, как от толчка, и ворвавшаяся в гостиную девушка быстрыми шагами направилась к графу.

– Чем вы сегодня развлекались, Валиньи? По своему обыкновению, проигрались в пух и прах?

Граф произнес несколько быстрых, трескучих французских фраз. Ротуэлл не разобрал слов, но успел заметить, как внезапно помрачнело лицо Валиньи. Девушка в ответ разразилась

⁵ В самом деле (фр.).

возмущенной тирадой и потрясла перед лицом Валиньи кулачком. Ее голос, звучный, глубокий, с едва заметной хрипотцой, был одним из тех женских голосов, какие способны заставить затрепетать мужское сердце.

На этот раз Валиньи не солгал. Жаркая волна незнакомых доселе чувств захлестнула Ротуэлла – смесь вожделения и тоски, почти нестерпимого желания, чего-то такого, чему он и названия не смог бы найти. Девушка была необыкновенно хороша собой. Маленький подбородок с ямочкой был высокомерно поднят. Тонкий, изящный аристократический носик, широко распахнутые темные глаза, роскошная грива черных волос, высоко зачесанная со лба назад, и смуглая, цвета светлого меда, кожа.

К удивлению Ротуэлла, эта юная на вид девушка обладала роскошными формами.

Ротуэлл отодвинул в сторону бокал с бренди. Ему страшно не понравилось, как его тело отреагировало на появление этой женщины.

– Будьте добры, объяснитесь, Валиньи, – сухо потребовал он.

Граф, вздрогнув, отвесил ему шутовской поклон.

– Я принимаю ваши ставки, друзья мои, – объявил он. – И заявляю о своем намерении поставить на кон прелестную и вдобавок очень богатую невесту. Надеюсь, вы не потребуете от меня, чтобы я водрузил ее на стол?

– Вы, должно быть, спятили! – рявкнул Ротуэлл. – Уведите отсюда девушку. Это неподходящее общество для леди... несколько совершенно пьяных, опустившихся мужчин.

Граф всплеснул руками.

– Но, мой дорогой лорд Ротуэлл, у меня ведь был план! – плаксиво протянул он.

– Да, великолепный план! – перебила девушка. – И теперь, когда я здесь, позвольте мне сделать все, как полагается. Добро пожаловать в дом моего любезного, снисходительного и любящего *papa*. Думаю, что сейчас мне лучше всего удалиться – как это вы говорите? – на время, пока будет идти аукцион, *oui*? Увы, должна признаться вам, что я настоящая мегера, но и в самом деле очень богата...

Ротуэлл озадаченно поскреб подбородок, чувствуя себя единственным нормальным человеком в компании явных психов.

Он бросил незаметный взгляд на Эндерса. Впрочем, тот не смотрел в его сторону – слегка приоткрыв рот, Эндерс пожирал жадным взглядом стоявшую у стола девушку. Живое олицетворение скотской, неприкрытой похоти, скривился Ротуэлл.

– Послушайте, Валиньи, – вмешался барон, яростно попыхивая черутой. – Между прочим, хочу напомнить вам, я пришел сюда выпить и сыграть в карты, а вовсе не...

– Во сколько вы намерены ее оценить? – перебил вдруг Эндерс. – Но должен предупредить сразу – я не намерен терпеть ее дерзкие выходки. Имейте в виду, мне не нравятся сварливые особы. Просто скажите, сколько мне принесет эта красotka, если я выиграю ее, – это все, что меня интересует.

«Если я выиграю ее». Эта фраза покорила Ротуэлла.

– Как я уже сказал, господа, у этой девушки неплохое приданое, – поспешил успокоить его граф. – Уверяю вас, оно намного превышает любую из сделанных сегодня ставок.

– Вы нас тут за идиотов держите, что ли? – презрительно фыркнул Эндерс. – Всем известно, что Холбурн вышвырнул жену за дверь, а потом и вовсе развелся с ней. Держу пари, мать этой девчонки была бедна, как церковная мышь!

Валиньи выразительно всплеснул руками.

– Да, джентльмены, это чистая правда, – признался он. – Только вот одна маленькая деталь, дорогой лорд Эндерс. Видите ли, дело в том, что мать Маршан была богатой наследницей. Прядильные фабрики! Угольные шахты! Бог мой, поверьте, никто не знает этого лучше, чем я!

– Не думаю, что нам это интересно, Валиньи, – небрежно бросил Ротуэлл.

– Да? А зря! Уверен, очень скоро, друг мой, вы измените свое мнение, – весело хмыкнул граф. – Потому как, видите ли, часть всего этого богатства досталась девушке. Она – последняя из семьи, к которой принадлежала ее мать. Однако, чтобы все это перешло в ее руки, она обязана найти себе мужа – мужа-англичанина, и при этом человека благородного происхождения.

– Иисусе Всемогуший, Валиньи! Она ведь ваша дочь! – задумчиво протянул Ротуэлл.

– Да, конечно – но разве не вы, англичане, имеете обыкновение воспитывать своих дочерей, словно они не женщины, а племенные кобылы, а после торгуете ими? – Граф расхохотался. – Только я в отличие от вас не лицемерю, а делаю это открыто.

– Вы свинья, Валиньи, – не поворачиваясь, равнодушно бросила девушка через плечо. – Довольно костлявая, надо признать, но все равно свинья.

– А кто же тогда ты, моя душенька? – издевательски ухмыльнулся он. – Если я свинья, тогда ты хорошенький, аппетитный поросенок, *n'est-ce pas*?

Калверт, который до этой минуты хранил упорное молчание, хрипло прокашлялся.

– Послушайте, Валиньи, – пробормотал он. – Если вы предлагаете мне быть банкометом, то заранее хочу предупредить, что и пальцем не шевельну без согласия мадемуазель Маршан!

Валиньи снова захохотал.

– О, она согласна, не так ли, душенька?

При этих словах девушка, вздрогнув, повернулась, а потом наклонилась над столом и окинула мужчин взглядом, в котором вспыхнуло пламя.

– *Mon Dieu*, конечно, я согласна! – крикнула она, стукнув кулаком по столу так, что бокалы жалобно звякнули. – Один из вас, пьянчуги и бездельники, сделает меня своей женой – немедленно! А потом я поступлю с ним так, как сочту нужным! И мне плевать, кто из вас это будет, потому что все вы друг друга стоите!

Эндерс внезапно начал смеяться, издавая какие-то гнусавые, пронзительные звуки, весьма напоминающие ослиный рев.

– Горячая штучка, не правда ли, Валиньи? Забавно, очень забавно. Давно я так не смеялся.

Девушка выпрямилась, собираясь отойти от стола, – и вдруг замерла, перехватив устремленный на нее взгляд Ротуэлла. На мгновение их взгляды встретились. Он ждал, что она с презрением отвернется – но она, словно замороженная, продолжала смотреть на него в упор. Эти широко раскрытые глаза сейчас были черны, как море в грозу, – гнев, ярость, еще какие-то чувства, которым он даже не смог бы подыскать названия, переполняли их... но потом внезапно в самой их глубине вспыхнула и пропала какая-то искорка, и у Ротуэлла перехватило дыхание. Что это было? Вызов? Ненависть? Но что бы это ни было, оно сослужило барону хорошую службу, помешав ему опустить глаза ниже, где низкий вырез платья приоткрывал соблазнительную грудь, которая сейчас возмущенно вздымалась, грозя в любую минуту разорвать тесный корсаж и вырваться на свободу.

– Давай, душа моя! – насмешливо бросил граф. – Стань прямо, расправь плечи и, главное, следи за своим язычком! Помни, если кое-кому проиграю, ты очень скоро сможешь стать баронессой!

– Проклятье! – прошипела она, отодвинувшись от стола. – Ну так проигрывай! Я хочу покончить с этим наконец – и поскорее!

– Очень хорошо, – смущенно пробормотал Калверт. Было заметно, что ему неловко. – Думаю, можно начинать.

Ротуэлл отшвырнул карты в сторону.

– Нет! – прорычал он. – Это безумие!

– Чем возмущаться, сначала послушайте, что я предлагаю, Ротуэлл, – остановил его граф, снова принявший чрезвычайно деловой вид. – Сейчас на кону восемь тысяч фунтов, не так ли?

– Да? Ну и что с того?

– А у Эндерса сколько? Еще восемь?

– Примерно так, – согласился Эндерс.

– Итак, моя ставка – право взять в жены мою дочь. Девушка – против всех тех денег, что сейчас на кону, – объявил граф. – Выиграю я, тем лучше. В этом случае вы отправляетесь домой слегка беднее, чем были, когда переступили порог этого дома. А если я проиграю, тогда победитель получает возможность жениться на моей дочери – но не позже, чем через месяц, с вашего позволения. По завещанию ее деда в день своей свадьбы она получит пятьдесят тысяч фунтов, половину из которых вы отдадите мне. Можете считать это моими комиссионными.

– Половину от пятидесяти тысяч? – Эндерс даже подскочил от неожиданности. – Ну-ну... стало быть, вы в любом случае остаетесь в выигрыше!

– Однако если выиграете вы, милорд, то получите куда больше, чем какие-то жалкие восемь тысяч, – парировал граф.

– Это, конечно, так, – не отступал Эндерс. – Однако если поделить эту сумму пополам, то она становится ничтожной!

– Бросьте, Эндерс, о чем вы толкуете? Двадцать пять тысяч – вполне приличные деньги. Достаточные, чтобы человек имел право считать себя если и не богатым, то хотя бы вполне обеспеченным, – запротестовал граф. – И к тому же это намного больше ваших собственных ставок!

Ротуэлл с силой сжал бокал с бренди и поспешил отставить его в сторону, испугавшись, что тот хрустнет у него в руке.

– Что ж, должен сказать, лично я меньше всего думал о том, чтобы обзавестись женой, – мрачно хмыкнул он. – Готов поспорить на что угодно, что и Эндерсу супруга нужна не больше, чем прошлогодний снег.

– Нет, нет, весьма интересное предложение, – запротестовал словно прилипший к столу Эндерс. В маленьких глазках его вспыхнуло вожделение. – Эта девушка – весьма лакомый кусочек. Подведите-ка ее сюда, Валиньи. Да-да, к свету.

Граф, подхватив дочь под руку, потащил ее к столу – оказавшись в ярко освещенном свечами кругу, девушка напоминала ягненка, предназначенного в жертву какому-то жестокому божеству.

Эндерс, поманив девушку пальцем, сделал ей знак повернуться, чтобы дать ему возможность оглядеть ее со всех сторон.

– Помедленнее, моя сладкая, – выдохнул он. – Очень, очень медленно...

Дождавшись, когда она окажется к нему спиной, он принялся бесстыдно разглядывать ее бедра, полноту которых не скрывали складки платья из темного шелка. В глазах Эндерса вспыхнул похотливый огонек. Ротуэлл похолодел – ему вдруг представилось, как Эндерс попросит Валиньи задрать девушке юбку, чтобы иметь возможность полюбоваться ее обнаженными бедрами. И вновь, стоило ему только подумать об этом, как обжигающая волна вожделения мгновенно поднялась в нем, захлестнув его с головой.

Впрочем, это не его дело, остановил себя барон. Он в любую минуту может встать и уйти. Послать все это к дьяволу и уехать домой, предоставив Эндерсу и Валиньи заниматься своими мерзостями.

И тем не менее что-то мешало ему уйти... Но что?

Возможно, причина в том, что она кого-то ему напоминает. Или во всем виноваты темные омуты ее глаз – ему достаточно было один раз заглянуть в них, чтобы почувствовать, как его с неодолимой силой влечет к ней. Идиот! О господи, какой же он идиот, с бессильной злобой подумал Ротуэлл.

Чтобы избавиться от этого наваждения, барон плотно закрыл глаза.

Но была и еще одна причина, заставляющая его остаться. Причина гораздо более серьезная, чем вся эта ерунда. Ротуэлл хорошо понимал, что это такое – быть брошенным на рас-

терзание псам, как будто ты не человек, а просто кусок мяса. Святители небесные, ну почему шрамы в его душе, давным-давно зарубцевавшиеся, как он привык считать, вдруг напомнили о себе именно в эту минуту?!

Да потому, что Эндерс, похоже, вбил себе в голову заполучить эту прелестную девушку. Затащить ее к себе в постель и превратить в... одному богу известно, во что он намерен превратить бедняжку... А ведь девушка невинна. Даже если бы Ротуэлл усомнился в ее добродетели, страх, на мгновение промелькнувший в этих прекрасных глазах, когда она бросила взгляд на Эндерса, убедил бы его в этом лучше всяких слов.

Неприятный холодок пробежал у него по спине при этой мысли. О, мадемуазель Маршан, возможно, сегодня полна жизни и огня... однако Эндерс, к несчастью, принадлежит к числу тех, кому хорошо известно, как можно задушить в женщине и то и другое, и он – Ротуэлл нисколько не сомневался в этом – сделает это с наслаждением.

– Стало быть, тебе нужен супруг, которым бы ты могла вертеть, как тебе вздумается, да, моя кошечка? – сюсюкающим тоном гнусавил Эндерс. – Забавно... с каждой минутой эта затея кажется мне все более интригующей.

Девушка так и не открыла глаз – но при этих словах ноздри ее затрепетали, и с губ ее сорвался судорожный вздох. Ротуэлл вдруг перепугался не на шутку – на мгновение ему показалось, что колени у нее подогнутся и она рухнет на пол. И тут, в этот миг, на Ротуэлла словно снизошло озарение – что это было, он не знал... какая-то вспышка, и он словно перестал быть самим собой, а вместо этого превратился в незнакомца, в человека, которого он никогда не встречал и которым уж точно никогда не мог быть – и в этот момент он с обжигающей ясностью понял, чем это может закончиться. Вернее, как это должно закончиться.

От этой мысли у него неожиданно словно камень с души упал. Ну, почти, поправился он. Благодарение богу, он никогда не считал себя ни героем, ни рыцарем в сверкающих доспехах. Скорее всего он сейчас так же безумен, как и они все.

Эндерс с Валиньи, похоже, забыв о его существовании, продолжали разглядывать девушку словно лошадиные барышники. Калверт отвернулся.

Взгляд Ротуэлла незаметно скользнул по столу – между двумя дощечками застрял плотный картонный треугольник.

– Клянусь богом, девчонка будет моей! – Громовой голос Эндерса словно ножом вспорол воцарившееся в комнате напряженное молчание.

Ротуэлл незаметно шевельнул пальцами, и одна из карт Валиньи исчезла у него под жилетом.

– Что ж, джентльмены, при ее красоте, думаю, девчонка стоит этих двадцати пяти тысяч. И к черту ее характер, – продолжал Эндерс. – В любом случае я давно уже подумывал подыскать себе жену. Может, договоримся и так, Валиньи? И ну их, эти карты?

Лицо графа мгновенно просветлело.

– Нет уж, – угрюмо проворчал Ротуэлл, властным жестом указав на стол с разбросанными по нему картами. – Так не пойдет. Сдавайте, Калверт. Клянусь богом, мы будем играть.

Глаза Эндерса подозрительно сузились.

– Вы желаете сыграть? – осведомился он.

– Конечно – почему бы нет?

– Однако, помнится, поначалу вы отказывались...

– Ну и что? – надменно вскинул брови Ротуэлл. – Я поставил кучу денег и намерен рискнуть ими еще раз. В конце концов, Валиньи сам это предложил, – холодно добавил он.

– Разумеется, – поспешно согласился граф. – Еще одна игра и незаинтересованный банкомет, чего же лучше? Давайте, Эндерс. А вы, Калверт, хорошенько перетасуйте колоду.

Ротуэлл бросил взгляд на хозяина.

– Так садитесь, Валиньи, чего вы ждете? Вы ведь предложили сыграть в эту дьявольскую игру – так давайте сыграем! – Повернувшись, он пододвинул ему ближайшее кресло. – И ради всего святого, давайте покончим с этим поскорей!

К счастью, все закончилось достаточно быстро. Калверт протянул каждому из них по карте, потом замялся.

– Продолжайте, Калверт! – резко бросил Ротуэлл. – Мы ведь, кажется, договорились, что ставим на карту все.

Калверт, кивнув, снова взялся за колоду. Мужчины один за другим приоткрывали доставшиеся им карты. И в этот миг Ротуэлл сделал незаметное движение.

– Лорд Эндерс, еще карту? – осведомился Калверт.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно даже слабое потрескивание свечей. В конце концов Эндерс решился:

– Нет, спасибо. Мне, пожалуй, достаточно.

Граф задумчиво побарабанил костяшками пальцев по столу, потом кивнул, и Калверт протянул ему карту.

– Милорд? – Он вопросительно вскинул глаза на Ротуэлла. – Еще?

Ротуэлл покачал головой:

– Достаточно. – После чего быстрым движением пальцем выложил на стол свои карты.

Где-то в углу слабо охнула девушка. Валиньи издал какой-то странный горловой, kloko-чуций звук.

– Джентльмены, – негромко объявил Ротуэлл, – по-моему, у меня двадцать одно.

Глава 3

Лорд Ротуэлл получает весьма заманчивое предложение

Еще не успели карты с легким шелестом лечь на стол, как с губ Эндерса посыпались проклятия. Валиньи в каком-то тупом оцепенении не мог оторвать от черной королевы – своей счастливой карты – глаз, а потом вдруг разразился визгливым истерическим смехом. Дочь графа закрыла глаза, затем внезапно судорожным движением поставила на стол пустой бокал, и он протестующе звякнул о серебряный поднос. Изящные плечи девушки устало поникли, голова упала на грудь – казалось, она беззвучно молится.

Итак, она свободна, с внезапным чувством облегчения подумал Ротуэлл. Что бы там ни было, она свободна. Хоть в чем-то он смог ей помочь.

Смог ли? Девушка, на его взгляд, достаточно быстро пришла в себя. Граф, отсмеявшись наконец, с довольным видом потер руки.

– Неплохо проделано, лорд Ротуэлл. Что ж, поздравляю вас! – Он повернулся к дочери. – Мои поздравления, милая! Весьма рад, что имею возможность первым пожелать тебе счастья. А теперь, дорогая, проводи его светлость в гостиную. Жениху и невесте наверняка хочется немного побыть наедине, не правда ли?

Не удостоив Ротуэлла даже взглядом, девушка резко повернулась на каблуках и выскочила из комнаты – словно ожившая дама пик, почему-то подумал Ротуэлл. Обуреваемый непонятными самому себе чувствами, Ротуэлл поднялся из-за стола и вслед за ней вышел из комнаты.

Надменно расправив плечи, мадемуазель Маршан толкнула бедром дверь в гостиную и, распахнув ее, влетела в комнату. Потом зажгла лампу и указала лорду Ротуэллу на стул – все это было проделано настолько быстро, что не дало ему времени опомниться.

Убедившись, что сама она не намерена садиться, Ротуэлл также остался стоять. Он окинул взглядом гостиную – она оказалась довольно маленькой, в камине весело потрескивали поленья, возле изящного старинного стула с потертой обивкой рядом с тем, что предложили ему, горела еще одна лампа. Ротуэлл продолжал неторопливо разглядывать комнату, как будто обстановка могла помочь ему лучше понять характер ее хозяйки.

В отличие от кричащего, аляповатого великолепия позолоты, которая резала ему глаз в гостиной графа, крохотная гостиная, со вкусом обставленная изящной, хоть и не новой, французской мебелью, выглядела даже элегантно. Одну из стен сплошь покрывали книжные полки, гнувшиеся под тяжестью книг в старинных кожаных переплетах. Вместо сигарного дыма, винного перегара и запаха мужской плоти тут витал аромат лилий. Можно было не сомневаться, что эта комната не принадлежит графу – тут явно жила его дочь. И если Ротуэлл не ошибается – а внутреннее чутье обычно не подводило барона, – отец с дочерью по мере возможности старались избегать друг друга.

Он повернулся к ней.

– У вас есть имя, мадемуазель? – отвесив ей сухой поклон, осведомился барон. – Потому что мне показалось, вам не слишком нравится, когда к вам обращаются «*ma chon*»?

В ответ на его слова она улыбнулась – но сколько горечи было в этой улыбке!

– Какая вам разница, как меня зовут? – с вызовом бросила она. – Можете звать меня мадемуазель Маршан.

– Скажите мне ваше имя, – с нажимом в голосе повторил он. – При сложившихся обстоятельствах, думаю, я имею право его знать.

В ее прекрасных глазах вспыхнула искорка досады.

– Камилла, – наконец неохотно выдавила она из себя. И Ротуэлл вновь поразился ее низкому, звучному голосу.

– А меня зовут Киран, – мягко сказал он.

Казалось, имя Киран ничего ей не говорит. Отвернувшись от него, девушка подошла к окну и невидящим взглядом принялась разглядывать улицу, залитую светом газовых фонарей.

Ротуэлл заколебался, гадая, что же ему делать. Попытаться и дальше ломать эту комедию? Но зачем? Для чего ему вообще понадобилось ввязываться в эту историю? Что толкнуло его на это – похоть? А может, жалость? Еще одна, последняя попытка облегчить свою черную душу? Или просто гнусное любопытство, извращенное желание вкусить нечто неизведанное, что-то такое, чего ему еще не довелось испытать?

Что же довело это прекрасное создание до столь жалкого состояния? Но если девушка и была в отчаянии, Ротуэлл вынужден был признать, что она научилась мастерски это скрывать.

Ротуэлл опустил глаза. Возле ее стула он заметил старинный круглый столик с рельефной крышкой, а на нем бокал с остатками чего-то явно покрепче кларета и возле – открытую книгу. Ротуэлл украдкой бросил взгляд на обложку. К его удивлению, это оказался не роман, как можно было бы ожидать, а «Исследование о природе и причине богатства народов» Адама Смита.

Господи помилуй... Вот уж повезло! Неужто судьба послала ему «синий чулок»? Ошеломленный Ротуэлл украдкой покосился на ее лицо, обращенное к нему профилем – девушка по-прежнему смотрела в окно.

Нет... невозможно! «Синий чулок» – это с такими-то губами?! Чушь! К тому же она слишком умна. И вдобавок типичная француженка – утонченная, искушенная и очень современная.

– Мадемуазель Маршан, – мягко сказал он. – Может, вы объясните мне, для чего вам понадобилось подыгрывать вашему отцу, когда он объявил о своей дьявольской затее? Почему вы не отказались в ней участвовать?

Наконец она соизволила оторваться от окна – она повернулась к Ротуэллу, ее руки, одна поверх другой, скромно были сложены на поясе.

– Я поступила так из тех же самых побуждений, что и вы, месье, – невозмутимо ответила она. Теперь ее французский акцент чувствовался гораздо меньше. – Потому что углядела в этом определенную выгоду для себя.

– И что же вы надеялись заполучить? Титул, наверное? – язвительно бросил Ротуэлл. – Вынужден вас огорчить, дорогая – мой титул громким не назовешь. Так что вам, похоже, не повезло.

– Меня абсолютно не интересует ваш титул, сэр! – невозмутимо бросила она в ответ. И снова высокомерно вздернула подбородок. – Мне всего лишь нужен был муж – муж-англичанин, я имею в виду, к тому же способный выполнить свой супружеский долг.

– Простите? – растерялся Ротуэлл.

– Господи, ну что тут не понять?! Мне нужен был муж, который был бы в состоянии сделать мне ребенка – причем чем быстрее, тем лучше. – Она придирчиво оглядела его с головы до ног, и Ротуэлл окончательно смутился: пришла его очередь почувствовать себя выставленным на аукцион племенным жеребцом. – Хочу надеяться, месье, что это вам по силам – хотя по виду не скажешь. Какой-то вы изможденный, знаете ли...

Ротуэлл почувствовал себя задетым. Но не тем, как она отозвалась о его внешности, а безразличием, с которым это было сказано.

– Какого дьявола... – разъярился он. – Если вам позарез понадобился ребенок, мадемуазель, так в Лондоне достаточно порядочных холостяков, которые были бы только счастливы удовлетворить ваше желание!

– Увы! Мне объяснили, что все приличные мужчины в это время разъезжаются по своим загородным имениям, чтобы поохотиться, – рассмеялась она, но под этой нарочитой беззаботностью угадывалась горечь. – О, да будет вам, месье! Найти приличного мужа... мне? Это при репутации Валиньи-то?! А моя мать?.. Бросьте... Даже мое появление на свет, милорд, сопровождалось скандалом. Но вы... да, похоже, вы не из тех, кого может отпугнуть такая мелочь, как скандал.

– У вас ядовитый язычок, мадемуазель, – не остался в долгу Ротуэлл. – Может, проблема в этом?

– Да, милорд, но поверьте, я не стану долго обременять вас, – равнодушно бросила она. – Просто женитесь на мне и выполните свой супружеский долг. Уверяю вас, вы заключили достаточно выгодную сделку – если, конечно, не считать, что часть этих денег вам придется вернуть Валиньи. Но вы в накладе не останетесь. Клянусь, я заплачу вам вполне приличные деньги – разумеется, после того, как мой ребенок живым и здоровым появится на свет. А после этого вы вольны идти своим путем и жить как вам нравится.

– Господи помилуй! – вспыхнул он, почувствовав, что его гнев вот-вот вырвется наружу. – Вы что же, мисс Маршан, считаете, что в наши дни мужчины пали так низко, что готовы продавать свое семя, так? И почему же, если не секрет? Назовите свою цену, будьте добры!

Она на мгновение смешалась.

– Я готова хорошо заплатить вам за эту небольшую услугу, милорд, – бросила она. – Сто тысяч фунтов. Надеюсь, вас это устроит?

– Господи помилуй! – опять вырвалось у него. – Я начинаю верить, что вы такая же бессердечная, как и ваш отец.

По чувственным губам девушки скользнула улыбка, полная горечи.

– А вы, похоже, все-таки превыше всего ставите свой драгоценный титул! – буркнула она. – Уж эти мне английские аристократы со своим проклятым высокомерием...

– Да к черту аристократов! И к черту высокомерие, о котором вы тут толкуете! – рявкнул Ротуэлл, направившись к ней. – В любом случае никакого ребенка не будет! Бог мой, уверяю вас, милочка, если вы рассчитываете на брак, то сильно ошибаетесь, потому что брака тоже не будет! И что это за вздор насчет сотни тысяч фунтов, которые вы намереваетесь мне заплатить? Валиньи говорил только о тех деньгах, которые вы получите в день вашей свадьбы...

– Ах вот как? – Ее темно-карие глаза расширились, но это удивление показалось Ротуэллу наигранным. – Похоже, Валиньи позаботился рассказать вам только часть правды – вернее, ту часть, которая известна ему самому.

Ротуэлл придвинулся поближе – теперь он стоял так близко, что мог полюбоваться густой бахромой черных ресниц, окаймлявших ее глаза, цветом напоминавших ему горький шоколад, – и его рука тяжело опустилась ей на плечо.

– Раз так, мисс Маршан, очень надеюсь, что вы расскажете мне остальную часть правды, о которой не подозревает Валиньи, и притом незамедлительно.

Ее шоколадные глаза внезапно вспыхнули гневом.

– Проклятье, вы ничем не лучше тех, с кем предпочитает водить дружбу Валиньи! – Ее низкий, волнующий голос дрогнул. – Неужели вы не задумывались, откуда возьмутся эти пятьдесят тысяч, которые были обещаны мне в день свадьбы? И с какой стати, собственно говоря, я должна выходить за вас замуж?

Действительно, подумал он, с какой стати она должна выходить замуж? Что именно она должна получить в том случае, если сделает это? Из тех пятидесяти тысяч, которые она получит в день, когда у нее на пальце появится обручальное кольцо, половину заберет ее отец, а вторую половину – законный муж.

– Я хотел бы услышать правду, – холодно бросил Ротуэлл.

В глазах мисс Маршан сверкнуло что-то очень похожее на ненависть.

– Что ж, я вам ее скажу, – кивнула она. – Три месяца назад Валиньи вдруг узнал, что по завещанию, оставленному моим дедом, в день своей свадьбы я должна буду получить крупную сумму – и с тех самых пор мысль об этом не давала ему покоя. Верите ли, месье, он ни есть, ни спать не мог – все думал об этом. Впрочем, вы ведь знаете, мой отец – игрок. Неисправимый игрок – и к тому же невезучий. Он весь в долгах. Чтобы заполучить эти деньги, которые дадут ему возможность снова играть, он готов на все.

Ротуэлл незаметно окинул ее взглядом – теперь, когда она была так близко, он мог чувствовать исходивший от нее пряный аромат каких-то незнакомых духов, видеть, как бьется жилка на ее нежной шее.

– Да, я понимаю, – уже мягче сказал он. – Продолжайте.

Она поспешно облизнула пересохшие губы, и Ротуэлл успел увидеть мелькнувший кончик розового язычка.

– Это еще не все. – Голос ее упал. Теперь она говорила, запинаясь и осторожно подбирая слова. – Есть еще кое-что, о чем Валиньи даже не подозревает. Но я не знаю... не знаю, могу ли я вам доверять.

– Нет, конечно! – отрезал он.

Какое-то время она, похоже, обдумывала его слова.

– Черт! – процедила она сквозь зубы. – Вы взяли меня за горло, месье! Могу ли я по крайней мере положиться на вашу честь джентльмена?

– На мою честь? Увы, это слишком хрупкая и ненадежная вещь, чтобы на нее полагаться, моя дорогая мадемуазель, – хмыкнул он. – Но попробуйте!

Ее глаза яростно сверкнули.

– Бог мой, вы... вы дьявол! – вспыхнула она. – Дьявол с глазами волка! Но я рискну... тем более что выхода у меня нет.

– Конечно, – кивнул он. – К тому же можно ли быть бо́льшим дьяволом, чем ваш отец?

– Да, тут вы правы. – Лицо девушки исказилось от гнева. Похоже, она все еще колебалась. – Конечно, речь идет не только о тех деньгах, которые я должна была получить в день моей свадьбы, – нерешительно продолжала она. – Поверенный моего деда объяснил мне, что его английские... как это вы называете... *propriété*?

– Вы имеете в виду – его собственность?

Она энергично закивала.

– Да-да, принадлежавшие деду земли, дом, титул – все это переходит в собственность его кузена. Зато все остальное – а это намного больше – станет моим. Да, речь идет о деньгах, конечно, об огромных деньгах... а кроме этого, еще прядильные фабрики и угольные шахты. Я не слишком хорошо разбираюсь в подобных делах – пока. Но все это стоит много сотен тысяч фунтов.

Ротуэлл изумился. Выходит, Валиньи их не обманул?! Только этот подонок даже представить себе не мог, какое сказочное сокровище он так бездумно проиграл в этот раз!

– И Валиньи, выходит, ничего об этом не знал? – уточнил он.

– Нет. – Девушка изящно вздернула обтянутое тонким шелком точеное плечико. – Я не настолько наивна, чтобы рассказывать ему об этом!

Ротуэлл вдруг почувствовал, как в нем шевельнулись подозрения.

– Если вы настолько богаты, – задумчиво проговорил он, – то для чего вам вообще выходить замуж?

При этих словах мадемуазель Маршан недовольно поджала губки.

– Увы, в этом-то и есть – как это говорят у вас в Англии? – ложка дегтя в бочке с медом, – проворчала она. – Мой покойный дед, как мне говорили, был человеком мстительным. По условиям его завещания я не получу ни гроша, если не вернусь домой – то есть в Англию –

и не выйду замуж за достойного человека. Под достойным мой дед подразумевал, разумеется, какого-нибудь английского аристократа, – криво усмехнулась она.

– Ах, ну да, конечно! Английский джентльмен, – хмыкнул Ротуэлл.

По губам девушки скользнула горькая усмешка. Однако непохоже, чтобы замечание Ротуэлла хоть сколько-нибудь смутило ее.

Она невозмутимо кивнула.

– И вдобавок даже для того, чтобы получить те пятьдесят тысяч, я должна не только выйти замуж за англичанина, но и произвести на свет ребенка. Мой дед сделал все от него зависящее, чтобы ужасная французская кровь, доставшаяся мне в наследство от отца, как можно скорее растворилась в доброй английской крови его наследников.

Ротуэлл слегка отодвинулся.

– Боюсь, моя дорогая, вы выудили не ту рыбку, – с иронией бросил он. – Идея вашего дедушки кажется мне... не слишком удачной. И я не испытываю ни малейшего желания способствовать ее воплощению.

Девушка метнула в его сторону испепеляющий взгляд.

– Чушь! – бросила она, с вызывающим видом скрестив руки на груди. – Неужели вы откажетесь? Вы ведь заядлый игрок, не так ли? Так рискните! В конце концов, шансы, что родится девочка, пятьдесят на пятьдесят, не так ли? И тогда ваш драгоценный титул так и останется при вас.

– О, вот как! – прорычал он. – А если мне вовсе не безразлично, кто станет носить мой титул после меня, что тогда?

Она с чисто французской беспечностью пожала плечами.

– Тогда, *monsieur*, вы просто разведетесь со мной, вот и все! – бросила она. – Уверяю вас, я с большим удовольствием предоставлю вам все необходимые для этого основания. До сих пор мне никто никогда не делал предложения о замужестве, *c'est vrai*⁶, зато других предложений было хоть отбавляй. А уж тех, которые делают глазами, и того больше! Так что будь у меня желание принять одно из них, я могла бы с легкостью это сделать, поверьте!

Она еще не успела договорить, как Ротуэлл, молниеносным движением руки сжав ее запястье, рывком развернул ее лицом к себе.

– Только попробуйте, мадемуазель! – угрожающе прорычал он. – Если вам когда-нибудь придет в голову сыграть подобную шутку со мной, уверяю вас, одним разводом вы не отделаетесь!

Он думал, она испугается. В ответ она только рассмеялась ему в лицо.

– О, вот как? Оказывается, даже у вас есть принципы!

Ротуэлл заставил себя отпустить ее руку. Но девушка и не думала отодвинуться – взгляды их скрестились, как острия шпаг. Пряный запах ее духов защекотал ему ноздри.

– Возможно, я действительно не слишком дорожу своим титулом, мадемуазель Маршан, – рявкнул барон, – зато я сделаю все, чтобы избежать жалкой роли рогоносца!

– О, все имеет свою цену, не так ли, Ротуэлл? – Ему показалось, в ее голосе проскользнула нотка грусти. – Вы, Валиньи, Эндерс... да, барон, даже я. Разве я только что не доказала вам это? – высокомерно бросила она.

– Цену? – переспросил он. – Знаете, мадемуазель, возможно, во мне не так уж много того, что достойно уважения, но мне нет никакой нужды жениться на женщине ради ее денег. Собственно говоря, в данный момент я не испытываю и особого желания жениться.

– Какой вздор! – Она снова смерила его взглядом, полным ледяного высокомерия. – Разве не поэтому вы остались сыграть еще одну партию, когда мой отец вздумал поставить на кон меня? – ехидно бросила она.

⁶ Это верно (*фр.*).

– Проклятье! Нет, конечно! – рявкнул барон.

Мадемуазель Маршан заморгала, словно ей в глаз попала соринка.

– Нет? – недоверчиво пробормотала, снова отойдя к окну. – Тогда ради чего вы согласились сыграть с Валиньи, а, барон? Какая еще причина могла быть у вас, хотела бы я знать?

Ответ вертелся у него на кончике языка – ему хотелось сказать, что ему нестерпима была сама мысль о том, что этот похотливый козел Эндерс заполучит столь очаровательную и столь невинную девушку, но... нет! Так не пойдет, угрюмо подумал Ротуэлл.

Он вдруг почувствовал на себе ее пыливый взгляд: девушка наблюдала за ним, как кошка за мышью.

– Почему, Ротуэлл? – настойчиво повторила она. – Теперь моя очередь требовать, чтобы вы открыли мне правду.

– Правду? – с горечью бросил он. – Хотел бы я знать, способен ли кто-то из нас распознать ее?

Она шагнула к нему, глаза ее вспыхнули.

– Почему вы рискнули сыграть с Валиньи? – потребовала она ответа. – Скажите мне. Если вас не интересуют деньги – тогда зачем вам все это?

Раздражение, уже давно копившееся в нем, наконец вырвалось наружу. Пальцы его, словно тиски, сжали руку девушки, и он рывком притянул ее к себе.

– Потому что я хочу вас, вот почему! – рявкнул он, глядя ей в глаза. – Довольны? Да, я ничем не лучше Эндерса! Я желаю заполучить вас в свою полную власть, мадемуазель! Затащить к себе в постель!

Неожиданно в ее глазах вспыхнуло удовлетворение.

– Прекрасно, – с довольным видом промурлыкала она, потом, почувствовав, что его пальцы, сжимавшие ей руку, разжались, отодвинулась. – Что ж, по крайней мере теперь я хоть знаю, чего ждать.

Ротуэлл с трудом подавил клокотавший в нем гнев. Да, он лгал – и теперь, когда его вывели на чистую воду, его внезапно охватили усталость и стыд.

– О нет, мадемуазель Маршан, уверяю вас, вы и понятия не имеете, с кем вас свела судьба. Готов поспорить на что угодно, что у вас никогда не было ничего общего с таким человеком, как я. Я помог вам разорвать условия глупой и безнравственной сделки, навязанной вам вашим отцом. Вы свободны. Теперь он уже не имеет возможности снова выставить вас на торги – вне зависимости от того, что придет ему в голову, когда он вновь проиграется в пух и прах.

Все это время мадемуазель Маршан в гордом одиночестве стояла у окна, повернувшись к нему спиной. Ротуэлл украдкой бросил на нее взгляд – и вдруг ему пришло в голову, что он еще никогда не видел человека, столь безнадежно одинокого.

Потом она медленно повернулась и снова подняла на него глаза – барон слегка поежился, почувствовав, как этот взгляд ощупывает его лицо.

– Нет, – чуть слышно проговорила она. – Нет, лорд Ротуэлл. Благодарю вас, но я предпочитаю сдержать данное отцом слово. И выполню все условия этой сделки.

С губ барона сорвался хриплый смешок.

– Думаю, вы не понимаете, мадемуазель, – пробормотал он. – Видите ли... мне не нужна жена.

На лице девушки отразилось сомнение. Она прошла по комнате, потом снова повернулась к нему лицом.

– Если вы хотите меня, лорд Ротуэлл, – понизив голос до едва слышного шепота, проговорила она, – вы меня получите.

– Простите? – растерялся он.

Придвинувшись к нему, мадемуазель Маршан взяла барона за лацканы сюртука и притянула к себе. Ресницы ее затрепетали.

– Вы меня получите, – с волнующей хрипотцой в голосе проговорила она. Барон, словно замороженный, не мог оторвать глаз от ее сочных губ. – Если вы поклянетесь мне... если вы дадите мне слово истинного джентльмена, что женитесь на мне и разделите со мной все, чем я владею, то... тогда я стану вашей. Сегодня же вечером. Сейчас.

– Вы, должно быть, сошли с ума, – наконец с трудом произнес он. Но исходившее от нее благоухание – этот густой, смешанный аромат орхидей и горячего, возбужденного женского тела – ударило ему в голову, и он понял, что пропал. Его собственное тело предало его.

Она прижалась грудью к его груди. Ее голос, теплый и чувственный, словно летняя ночь, шелестел у самого его уха. – Я в полной твоей власти, – прошептала она. – Готова исполнить любую твою прихоть. Ты ведь об этом мечтаешь?

Ротуэлл, собрав в кулак все, что еще оставалось от его самообладания, поднял руку и обхватил ее затылок.

– Попади вы ко мне в руки, мадемуазель, – прошептал он, едва не касаясь губами ее уха, – да еще будь у меня желание исполнить кое-какую из моих прихотей, клянусь, вы были бы сильно разочарованы, потому что тогда я задрал бы вам юбки да отшлепал по мягкому месту так, что ваши крики были бы слышны отсюда до самой Хай-Холборн-стрит!

Она отпрянула в сторону, как ужаленная.

– Нет, – насмешливо продолжал он, – это не то, о чем вы подумали. Но если вы вознамерились вести себя как глупый, избалованный ребенок, мадемуазель Маршан, то ничего другого вы и не заслуживаете.

– Хорошо, милорд, – пробормотала она на удивление невозмутимым голосом. – Вы выразились достаточно ясно. Вы не знаете, лорд Эндерс еще здесь?

Ротуэлл пожал плечами:

– Думаю, да. И что с того?

Она решительными шагами двинулась к двери.

– Тогда, видимо, мне придется выйти за него, – бросила она через плечо. – Вряд ли он откажется, учитывая, какую кучу денег он получит благодаря мне. Впрочем, и мой отец тоже, – добавила она.

Ротуэлл, опередив ее, захлопнул дверь перед самым ее носом, да еще для верности припер ее ногой.

– Вы с ума сошли! Эндерс – грязный развратник! И это еще мягко сказано! – прорычал он, вне себя от ярости.

– Да? А какое вам до этого дело, позвольте спросить?

Он навис над ней, точно скала.

– А теперь послушайте меня, мадемуазель! – гаркнул он. – Этот человек даже не знает, что такое честь! Если вы решили, что сможете заключить с ним сделку, можете заранее выкинуть из головы эту мысль. О, конечно, он с радостью женится на вас – а потом, призвав себе на помощь закон, постарается обобрать вас до нитки... выудит у вас все до последнего пенни – и вы окажетесь в полной его власти и будете вынуждены исполнять все, даже самые грязные его прихоти.

Прислонившись спиной к двери, девушка смерила его взглядом. Она смотрела ему в глаза – и барон, сколько ни пытался, не увидел в них страха. Можно было не сомневаться – она не боится ни его, ни Эндерса. Черная королева, с невольным восхищением подумал он. Он давно уже не помнил, чтобы кто-то смотрел на него так, как эта девушка.

Ротуэлл уперся ладонями в дверь, и она оказалась в западне его рук.

– Похоже, вы загнали меня в угол, лорд Ротуэлл, – ледяным тоном заявила она. – И что вы намерены теперь делать?

Собственно говоря, он намеревался поцеловать ее. Что он и сделал – с какой-то дикой, первобытной жадностью он впился в ее рот, прижав ее голову к двери, и попытался приоткрыть

ее губы своими. Она инстинктивно подняла руку, чтобы оттолкнуть его – но было уже слишком поздно.

Кровь ударила Ротуэллу в голову. Пригвоздив ее к двери всей тяжестью своего мощного тела, он смял ее губы своими губами, яростно прокладывая себе путь в сладостные глубины ее рта.

Мадемуазель Маршан забилась под ним – и вдруг сдалась. Приоткрыв губы, она позволила его языку скользнуть внутрь, а потом мучительно-сладостным, дразнящим движением коснулась его своим. Он снова и снова целовал ее и чувствовал, как постепенно погружается во что-то темное и неизведанное. Тепло, исходившее от ее тела, сжигало его. Он понимал, что теряет голову. Мягкая тяжесть ее груди... упругость ее живота... тугие мышцы ее бедер – все то, что он чувствовал своим телом, сводило его с ума. Жаркое, иссушающее безумие внезапно овладело Ротуэллом.

В сумраке комнаты слышалось ее частое, прерывистое дыхание. Ротуэлл готов был поклясться, что она отвечает на его поцелуи... причем с не меньшим пылом, чем он сам. Приподнявшись на цыпочки, она обвила его шею руками, он слышал слабый шелест шелка, когда ее корсаж терся о плотную шерстяную ткань его сюртука.

Ротуэлл настолько потерял голову, что даже не сразу заметил, что уже не прижимает руками дверь – вместо этого он обхватил ладонями ее лицо – и руки его как-то подозрительно дрожат. За окном послышался грохот колес – вероятно, промчалась, спеша куда-то, почтовая карета. Город просыпался. Стук колес по булыжной мостовой, развеяв горячечный туман, вернул Ротуэлла к действительности. Скрепя сердце, он в последний раз коснулся кончиком языка ровного ряда ее белоснежных зубов, потом неохотно поднял голову – тяжело дыша, с раздувающимися ноздрями, они по-прежнему не могли оторвать друг от друга глаз.

Она тоже дрожала. О да... вот теперь в глазах ее появился страх. Но кого она боится? Только не его, подумал барон.

Мадемуазель Маршан неуверенно облизнула пересохшие губы.

– Итак, милорд, – прошептала она, опустив глаза, и уставилась выразительным взглядом куда-то вниз. – Как насчет того, чтобы перекинуть меня через колено? Вы по-прежнему намерены это сделать?

В голосе ее чувствовалась бравада – он мог бы поклясться в этом. Но, будучи опытным игроком, Ротуэлл ощутил за этой бравадой и другое... панику. По мере того как туман в его голове рассеивался, он начал потихоньку понимать, что ей страшно, – и разжал руки. Его взгляд еще раз ощупал ее очаровательное лицо, вбирая в себя широко раскрытые, цвета темного шоколада глаза и изящно очерченные высокие скулы.

– А теперь скажите мне, дорогая, сколько времени еще остается в вашем распоряжении? – пробормотал он. – Мне кажется, я слышу звук тикающих часов, со всей неумолимостью отсчитывающих секунды – как вы понимаете, я не имею в виду те часы, что стоят у вас на каминной полке.

Она замялась.

– Шесть недель, – наконец неохотно прошептала она.

– Шесть недель?! – эхом повторил он. – Всего? Но почему так мало?

Ее выразительное лицо приняло обреченное выражение.

– В моем распоряжении было десять лет, – пробормотала она. – Десять лет на то, чтобы найти – как это вы говорите? – рыцаря в сверкающих доспехах, да?

– Примерно так, – кивнул он.

По губам ее скользнула горькая улыбка.

– Эта мысль пришла в голову моему деду, когда я была совсем еще маленькой. Однако письмо, в котором его поверенный сообщал об условии в его завещании, отыскалось совсем недавно – вскоре после того, как умерла моя мать.

– Понятно. – Ротуэлл проглотил вставший в горле комок. – Итак, у вас осталось шесть недель. А что будет потом?

– Потом? Потом наступит мой – как вы говорите? – мой день рождения. Двадцать восьмой.

– Ваш день рождения? – Ротуэлл снова решил, что ослышался. – Итак, получается, вы должны выйти замуж до того, как вам исполнится двадцать восемь лет?

– Да – чтобы получить те деньги, которые дед оставил мне к свадьбе. Я обязана выйти замуж до достижения двадцати восьми лет и в течение следующих двух лет родить своему мужу ребенка.

– Понимаю, – пробормотал барон.

– Итак, что же вы решили, лорд Ротуэлл? – тихо спросила она. – Согласны вы жениться на мне? Или мне придется примириться с тем, что в моей постели вместо вас окажется этот развратник лорд Эндерс?

Господи помилуй... так она, выходит, и впрямь намеревается выйти замуж за кого-то из них двоих? И теперь слово за ним?

Ротуэлл заглянул в ее бездонные глаза. Да, похоже, она это серьезно. Совершенно серьезно.

Он вдруг почувствовал, что ему стало нечем дышать.

А мадемуазель Маршан – Камилла – все так же не отрываясь, смотрела ему в глаза. Если бы не руки, которые она снова по привычке скрестила на груди, он сказал бы, что она смахивает на сирену-обольстительницу – столько соблазна было в ее лице. Она явно ждала – ждала его решения. Он глубоко вздохнул, потом снова оглядел ее с головы до ног. Она была так красива, что могла бы и мертвого соблазнить... да, могла бы. И несмотря на все события этой безумной, отвратительной ночи, Ротуэлл понимал, что безумно хочет ее – отрицать это было бы глупо, да он и не пытался этого делать. А поцелуй, которым они обменялись, лишь раздул пламя, вспыхнувшее в его груди в тот самый миг, как только он увидел ее.

Что ж, в конце концов, он сам ввязался в эту авантюру, не так ли? Значит, ему и решать. Бог свидетель, до какой степени ему все это безразлично.

– У вас есть горничная? – резко осведомился он.

– Разумеется, – с легким удивлением кивнула она. – А что?

Ротуэлл решительно, почти грубо схватил ее за локоть.

– Потому что сейчас вы пойдете и отыщете ее, – мрачно проговорил он. – А после этого отправитесь вместе с ней укладывать свои вещи.

– Прямо сейчас, ночью? – Голос ее дрогнул. – Но почему?

– Да, прямо сейчас, ночью. – Распахнув дверь, Ротуэлл чуть ли не волоком вытащил девушку из комнаты. – Потому что будь я проклят, если позволю вам провести еще хоть одну ночь в доме вашего отца!

Тафтон снес по лестнице последний сундук, потом остановился и с каким-то сомнением бросил взгляд на дверцу кареты. Убедившись, что сундук надежно привязан к задку экипажа, Ротуэлл подошел к уличному фонарю, вытащил из кармана визитку и протянул ее лакею.

– Если что-то понадобится, я живу на Беркли-сквер, – пробормотал он. – Можете не беспокоиться – пока она со мной, она в безопасности. Даю вам слово.

– О боже! – только и смогла воскликнуть Памела двумя часами позже. Набросив на себя свободный утренний пеньюар, она спустилась в гостиную – и теперь расхаживала взад-вперед перед камином. Полы пеньюара с легким шуршанием обвивались вокруг ее ног при каждом резком движении, но она этого не замечала. – Наверху?! Дочь графа де Валиньи, ты сказал?

– Сплошное безумие, конечно. Можешь не говорить – я сам это знаю, – проворчал Ротуэлл, сидя в кресле за чайным столиком.

Памела перестала метаться из угла в угол. Нахмурившись, она остановилась и бросила на него недоуменный взгляд.

– С кем поведешься, Киран, от того и наберешься. – Банальная, до дыр затертая поговорка, даже не упрек, а лишь намек на него – все, что позволила себе графиня Шарп в адрес любимого кузена.

Барон воздел руки к небу.

– Я и не думаю обманывать себя, Памела, – вздохнул он. – Мне заранее известно, что станут обо мне говорить. Мы с Валиньи частенько играли и пили вместе и вместе таскались по шлю... в общем, разными способами прожигали жизнь, что не делает чести ни одному из нас – и так продолжалось довольно долго. В какой-то степени это бросает тень и на нее, – угрюмо добавил он.

Памела снова прошлась по комнате, потом придвинула к себе кресло и уселась рядом с бароном.

– Мы не имеем права осуждать эту девушку только потому, что ей не повезло с отцом, – твердо сказала она. – Думаю, мы даже не можем вообразить тот ад, в котором пришлось ей жить, – сухо добавила она, подливая ему кофе. – Точно так же, как я не собираюсь осуждать тебя лишь потому, что у тебя не совсем... м-м-м... подходящие друзья.

– А я никогда и не считал Валиньи своим другом, – резко бросил Ротуэлл. – Что же до того, чтобы кого-то судить... Поздно, Памела, дело сделано. Именно поэтому я и привез ее к тебе.

– А все-таки почему не к Ксантии? – пробормотала леди Шарп.

По губам барона скользнула кривая усмешка. Он терпеть не мог просить об одолжении.

– Потому, дорогая, что ты как сугроб: чиста, как снег, и при этом тебя очень трудно сдвинуть с места. А мадемуазель Маршан – в ее-то положении – едва ли может позволить себе общаться с людьми, на чьей репутации можно обнаружить хоть малейшее пятнышко. Представляешь, если бы я отвез ее на Беркли-сквер? Ее репутация погибла бы окончательно.

– Совершенно верно, мой дорогой, полностью с тобой согласна! – согласилась леди Шарп, вскочив с кресла. – Итак, что мы можем сделать? Остается только уповать на то, что та несчастная история с ее матерью уже забыта.

Ротуэлл хрипло рассмеялся.

– Это в лондонском-то свете? Даже не надейся, моя дорогая! В Лондоне слишком любят сплетничать.

– Да, думаю, ты прав. – Памела подняла руку, приставила палец к щеке, потом задумчиво побарабанила по ней. – А тут еще эти карточные ставки, о которых ты мне рассказал, Киран. Это, знаешь ли, уже ни в какие ворота не лезет! – фыркнула она.

Барон угрюмо потер подбородок.

– Думаешь, я сам не понимаю, Памела? – Он тяжело вздохнул. – Сейчас, днем, все это выглядит совсем в ином свете. Видишь ли, я и сам уже начинаю потихоньку жалеть, что пошел на поводу у Валиньи. Если бы можно было вернуться в прошлое, я бы сразу поставил точку в этом деле.

На губах леди Шарп мелькнула понимающая улыбка.

– Ну, в каком-то смысле именно это ты и сделал, разве нет? – усмехнулась она. – Во всяком случае, ты вырвал бедную девушку из его рук – а это уже немало. Но вот что я хочу тебе сказать, мой дорогой, – эта история с карточной игрой, в которой ставкой была она, не должна никогда выйти за пределы этой комнаты. Надеюсь, хоть это ты понимаешь? Иначе девушка будет навеки опозорена.

Ротуэлл только бессильно сжимал и разжимал кулаки. Он до сих пор был смущен той ролью, которую он сыграл в этом злосчастном фарсе.

Какого дьявола? Похоже, он окончательно спятил, когда посреди ночи затолкал мадемуазель Маршан в свою карету и увез из отцовского дома. Не иначе как она его околдовала, раз он решился на столь безумный поступок. А ведь поначалу он всего лишь собирался оказать даме небольшую услугу, полагая, что это причинит ему минимум неудобств.

Подняв голову, он увидел, что Памела внимательно рассматривает его.

– Познакомь меня с этой девушкой, – попросила она. – Я обязательно придумаю какое-нибудь очень умное объяснение, почему она вдруг решила погостить у нас. Только умоляю, скажи мне, что ты собираешься делать с этой бедняжкой дальше?

– О, что до этого... – Ротуэлл замялся было, потом решительно оторвал взгляд от чашки и посмотрел ей в глаза. – Что до этого... Боюсь, Памела, что я собираюсь на ней жениться.

Леди Шарп застыла, точно пораженная громом – у нее даже язык отнялся от удивления. В первый и, возможно, в последний раз в своей жизни она не нашла что сказать.

Ротуэлл, естественно, не замедлил этим воспользоваться. Вместо того чтобы выслушивать бесконечные охи и ахи кузины, он в двух словах объяснил ей свои намерения, еще раз поблагодарил за помощь и ринулся к двери, рассчитывая исчезнуть до того, как к Памеле вернется дар речи.

Пора домой, подумал он, сбегая по ступенькам. Сейчас он поедет к себе и первым делом выпишет Валиньи чек на двадцать пять тысяч фунтов. На этом первую часть этого безумного фарса можно будет считать законченной. Ублюдок получит свои деньги – и тогда, что бы ни случилось и чем бы ни закончилась эта авантюра, это уже, черт возьми, будет не его дело!

Камилла, чинно расправив плечи, смирно сидела на стуле возле окна, разглядывая утренний поток пешеходов и экипажей, запрудивший Мейфэр. Убедившись, что не уснет, она поднялась на рассвете, умылась, расчесала волосы и уселась на стул в ожидании своей судьбы.

Рано или поздно, решила Камилла, лорд Ротуэлл вспомнит о ней и вернется. А если нет... что ж, к этому она тоже была готова. Камилла решила, что тогда ей придется самой решать свою судьбу. По-прежнему ждать у моря погоды было просто нелепо – так же нелепо, как слишком долго полагаться на какого-нибудь мужчину. Этому ее научили ошибки, которые в свое время наделала ее мать. Что ж, Ротуэлл по крайней мере был достаточно честен, чтобы сразу предупредить, что ей не стоит слишком уж ему доверять.

Камилла очень смутно представляла себе, что ждет ее впереди, если она свяжет свою судьбу с бароном Ротуэллом, зато она отлично представляла себе, как сложилась бы ее жизнь, останься она в отцовском доме. Нет, решила она, жизнь с лордом Ротуэллом вряд ли будет ужаснее, чем те три последних месяца, которые она провела под крышей Валиньи. И потом... вряд ли это продлится особенно долго, утешала она себя. Поспешная, на скорую руку свадьба... а потом, если Господь будет милостив к ней, появится ребенок, которого она сможет любить. И тогда она наконец-то будет свободна. Свободна, как птица, – от матери, от Валиньи. И конечно, от лорда Ротуэлла. Его серые сверкающие глаза, его дикий нрав, нелегкие вопросы, которые он имеет обыкновение задавать, способны отпугнуть любую женщину.

А тот, другой мужчина – лорд Эндерс, припомнила она, – о, этот тип мужчин был ей хорошо знаком! Обычная похотливая свинья, к тому же испорченная до мозга костей. Ей не нужен был совет лорда Ротуэлла, чтобы догадаться, что представляет собой его соперник – слава богу, она слишком долго жила в Париже, проводя время в тесном кругу нескольких чересчур нарумяненных дам, приятельниц своей матери, и крутившихся вокруг распутных повес.

Легкий шум за спиной заставил ее очнуться – это Эмили, проснувшись, заворочалась в постели. Обернувшись, Камилла смотрела, как горничная, сонно щурясь, закрыла глаза рукой, когда луч утреннего солнца упал ей на лицо.

– Простите, мисс, – смущенно пробормотала она. – Я нечаянно проспала.

– Все в порядке, Эмили. – Камилла снова вернулась на свой наблюдательный пункт у окна. – Тебе ведь прошлой ночью не удалось поспать.

– Да и вам, мисс, тоже, – вздохнула горничная.

Камилла прислушивалась к легкому шороху за спиной, говорившему о том, что горничная поспешно одевается. Скорее всего Эмили сейчас тоже гадает, что их ждет впереди, – а ей по-прежнему нечего сказать. Наконец, почувствовав, что молчание явно затянулось, Камилла обернулась и со вздохом посмотрела на Эмили.

– Не стоит так переживать, – пробормотала она. – Вот увидишь, у нас все получится.

– Да, мисс. – Послушно кивнув, горничная принялась складывать ночную сорочку. – Конечно, вам виднее...

Камилла закусила губу, чтобы не разразиться истерическим смехом.

– Что ж, будем надеяться, что все закончится хорошо, – пробормотала она. – И конечно, выйду я замуж или нет, я бы очень хотела, чтобы ты и дальше оставалась со мной, Эмили.

Но ей придется выйти замуж... она обязана это сделать!

Нет, конечно, у нее оставалась и другая возможность... она всегда могла вернуться обратно в Лимузен, продать то, что еще оставалось от драгоценностей покойной матери, и, возможно, этих денег хватило бы, чтобы протянуть какое-то время. В свои без малого двадцать восемь лет оказаться без гроша за душой и без каких бы то ни было источников существования? К тому же вернуться во Францию, к прежней жизни в качестве бедной родственницы, смиренно донашивать чьи-то обноски?.. Нет, ни за что! Об этом нечего и думать. Ей наконец представился шанс, за который она ухватилась обеими руками – и она ни за что не упустит его.

Приняв решение, она глубоко вздохнула. Камилла машинально сжала кулаки, чувствуя, как ее вновь охватывает та же безнадежность, которая преследовала еще в Париже. Лорд Ротуэлл действительно был ее последней надеждой. Вчера ей на мгновение почудилось, что в глазах Ротуэлла мелькнула искра жалости... какие-то остатки порядочности – и она рискнула доверить ему свою судьбу.

Но что, если она ошиблась, и он просто решил сыграть с ней злую шутку? Возможно, Ротуэлл еще хуже, чем ей казалось? У этого человека была мрачная аура. Нет, не аура зла, поправилась она, – это бы она почувствовала. Просто в душе этого человека царил мрак, окружавший его подобно темному облаку.

С губ Камиллы сорвался истерический смешок. Эмили, вздрогнув, бросила на хозяйку странный взгляд.

Нет, она точно сошла с ума, решила Камилла. Напридумывала тут бог знает что! Прежде она что-то не замечала за собой страсти к мелодраматическим фантазиям. Пора положить этому конец, не то, чего доброго, она очень скоро станет похожей на свою мать.

В этот момент в дверь негромко постучали. Эмили кинулась открывать. На пороге вырос лакей – графиня Шарп желает видеть мадемуазель Маршан, сурово объявил он. Камилла сильно сомневалась, что эта леди была счастлива узнать, что незаконная дочь самого распутного из светских негодяев Лондона провела ночь под крышей ее дома.

Не прошло и десяти минут, как Камилла, держа в руках чашку кофе, уже сидела в маленькой гостиной леди Шарп. Сам этот кофе уже говорил о многом. Не то дешевое пойло, которое по требованию Валиньи подавали у них в доме в отсутствие гостей, а настоящий ароматный кофе.

Сидевшая напротив леди Шарп улыбалась ей с приветливостью, которая, конечно, не могла быть искренней. Но странное дело – даже после того, как они обменялись несколькими

словами, Камилла почему-то не чувствовала ни враждебности, ни даже просто неудовольствия с ее стороны. Графиня оказалась полненькой миловидной женщиной, не слишком молодой, но жизнерадостной, с ровным, спокойным характером и, как показалось Камилле, достаточно здравомыслящей.

– Итак, дорогая, если я правильно поняла, вы воспитывались во Франции, в провинции, да? – осведомилась графиня, наклонившись, чтобы подлить себе кофе. – Как это мило!

«Мило» было последнее слово, которое пришло бы в голову Камилле, возмись она описывать свое детство, но она решила, что возражать будет невежливо.

– У дядюшки Валиньи было маленькое шато в окрестностях Лимузена, – объяснила она. – Он был так добр, что предложил моей матери время от времени пользоваться им. А также его домом в Париже, когда тот был ему не нужен.

– Как это благородно с его стороны, – пробормотала графиня.

Да, это был действительно благородный жест – но, как и большинство мужчин, делая его, он, естественно, рассчитывал получить кое-что взамен.

– Да, мадам, – кивнула Камилла. – Моя матушка была очень ему благодарна.

– Что ж, дорогая, теперь, когда мы немного познакомились, – проговорила графиня, – пожалуйста, расскажите мне поподробнее об этой вашей... м-м-м... помолвке с моим кузеном. Мне бы хотелось узнать, как это произошло.

Камилла надменно вздернула подбородок.

– Мне кажется, вы не одобряете этого, *madame*. Я понимаю...

Глаза леди Шарп широко распахнулись.

– Ничуть, – покачала головой она. – Наоборот, я крайне признательна вам, что вы оставили свой выбор на нем. Просто я несколько удивлена... Видите ли, Ротуэлл никогда не выказывал ни малейшей склонности к семейной жизни.

– Лорд Ротуэлл сообщил вам, *madame*, что вопрос об этой помолвке решался между ним и моим отцом? – наконец спросила она.

Леди Шарп смущенно отвела глаза в сторону.

– Да, что-то такое говорил, – созналась она. – А вы до этого были знакомы с моим кузеном?

– Я познакомилась с ним только сейчас, – лаконично бросила Камилла.

– И вы... действительно хотите выйти за него замуж?

– Да, мадам, – кивнула Камилла. – Я дала ему слово.

Леди Шарп поджала губы.

– Но... почему?

– Видите ли, мне нужен муж. И к тому же я не питаю ни малейшей склонности к романтическим отношениям.

– О-о! – задумчиво протянула леди Шарп. Потом вдруг ее лицо просветлело. – Но тогда вы, наверное, как нельзя лучше подходите моему кузену, ведь менее романтически настроенного человека, чем мой кузен Ротуэлл, и представить себе трудно. И раз уж вам так мало от него нужно... что ж, думаю, вы не будете разочарованы.

По губам Камиллы скользнула очаровательная улыбка.

– Да, мадам, согласна. Практичное решение, не так ли?

Леди Шарп слегка замялась – было видно, что она в нерешительности.

– Тем не менее, моя дорогая, боюсь, ваша совместная жизнь не обещает быть гладкой, – вздохнула она наконец. – Ротуэлл один из немногих людей, кого я по-настоящему люблю... видите ли, в отличие от других я вижу то хорошее, что в нем есть – однако он не тот человек, которого легко любить. Вы меня понимаете?

Камилла широко раскрыла глаза.

– Да, мадам. Но ведь я этого от него и не жду, – пробормотала она. – Эта наша помолвка – просто сделка, не более того.

На лице леди Шарп внезапно отразилось нечто вроде испуга.

– О боже, моя дорогая девочка! – схватившись за грудь, воскликнула она. – О чем вы говорите? Вы ни в коем случае не должны давать согласие на брак с человеком, если вы не уверены, что со временем сможете его полюбить.

– Пардон, мадам? – удивилась Камилла.

Леди Шарп, перегнувшись через ручку кресла, склонилась к ней.

– Да, да, я знаю, такое происходит сплошь и рядом. Но если вы видите, что мужчина не стоит вашей любви, вы ни в коем случае не должны выходить за него замуж.

– Но, мадам, – возразила Камилла, – я ведь уже сказала вам, что не питаю ни малейшей склонности к романтическим чувствам...

– Стало быть, вы не испытываете к нему ни малейшего расположения, так?

– Расположения? – Камилла задумалась, что на это сказать, чтобы не обидеть эту почти незнакомую ей женщину. – Видите ли, лорд Ротуэлл показался мне порядочным, достойным всяческого уважения человеком. Разве это не замечательно? И уверяю вас, мадам, что пока мы вместе, я постараюсь быть ему хорошей женой.

Облачко, набежавшее на лицо леди Шарп, исчезло. Мгновенно смягчившись, она снова схватилась за кофейник.

Камилла, зажмурившись, проглотила вставший в горле комок. Господи помилуй, похолодев, подумала она, неужели она совершает страшную, непоправимую ошибку?! Что, если она вот-вот выпустит из бутылки джинна, совладать с которым у нее попросту не хватит сил? Она еще не успела забыть вырвавшегося у Ротуэлла признания... исходившего от него жара, когда он всем телом прижал ее к двери. Странное возбуждение вдруг охватило ее...

Графиня окинула ее оценивающим взглядом.

– Видите ли, мадемуазель Маршан, Ротуэллу нужен наследник, – негромко проговорила она, поболтав ложечкой в чашке. – Надеюсь, вы ничего не имеете против детей?

– Нет, мадам, – честно ответила Камилла. – Я тоже хочу ребенка. И чем скорее, тем лучше.

Леди Шарп сложила руки на коленях.

– Что ж, моя дорогая, вы, похоже, женщина разумная. Ну а теперь, когда вам почти удалось убедить меня, что вы вполне сознаете серьезность того шага, который намерены сделать, давайте обсудим все детали. Так вот, насчет вашей свадьбы – мне кажется, начало весны самое подходящее вре...

– Нет! – отрезала Камилла. – Простите, – поспешно спохватилась она. – Я имела в виду... Еще раз прошу прощения, мадам, но мне бы хотелось, чтобы наша свадьба состоялась немедленно. Лорд Ротуэлл не возражает.

– В самом деле? – Леди Шарп бросила на Камиллу странный взгляд. – Ну, впрочем, это дело ваше. Что ж, тогда давайте поговорим начистоту, не возражаете? Насколько я поняла из слов Ротуэлла, моя задача... о господи, даже не знаю, как сказать! В общем, мне нужно сделать так, чтобы ваше имя, дорогая, никак не связывали бы с именем вашего отца. Не так ли?

– Да, мадам. Боюсь, Валиньи не пользуется особым уважением в обществе.

– О, дорогая, – запротестовала графиня, – уверяю вас, это не совсем так.

– Это именно так, – покачала головой Камилла. – И поверьте, мадам, я совсем не чувствую себя задетой. Если не считать последних трех месяцев, я редко когда проводила больше двух недель подряд в обществе своего отца – я имею в виду в детстве. И слава богу. Но мне всегда хотелось жить в Англии. И в конце концов я решила, что лучше уж мириться с его обществом, чем остаться совсем одной.

– И вы совершенно правы, дорогая. – Леди Шарп, добродушно улыбнувшись, с материнской нежностью похлопала ее по руке.

А ведь она по-настоящему добра, с теплым чувством подумала Камилла.

Она сделала глубокий вдох и подняла глаза на кузину своего будущего мужа.

– Мадам... могу я задать вам один вопрос? – набравшись храбрости, выпалила она.

– Конечно, мое дорогое дитя. – Графиня вопросительно посмотрела на нее. – О чем вы хотели спросить?

Камилла замялась.

– Лорд Ротуэлл рассказывал вам о моей матери? – тщательно взвешивая каждое слово, спросила она. – Я имею в виду – какой она была?

На лице леди Шарп мелькнуло сочувствие.

– Да, конечно, дитя мое. Я никогда не была знакома с вашей матушкой, но мне говорили, что она была необыкновенной красавицей.

– А о ее муже... о лорде Холбурне... вам рассказывали? Вы его знали?

Леди Шарп покачала головой.

– По-моему, Шарп как-то раз встречался с ним, – пробормотала она. – Но, насколько я знаю, Холбурн жил отшельником, его редко видели в Лондоне.

Из груди Камиллы вырвался долгий вздох – по ее лицу было видно, что она испытывает неимоверное облегчение.

– Да, Валиньи говорил мне то же самое, – прошептала она. – Но я не была уверена, что... – Она осеклась.

– Можно ли ему верить? – подсказала графиня. Так и не дождавшись ответа, она снова похлопала Камиллу по руке. – Что ж, думаю, в данном случае он сказал вам чистую правду.

– Значит, я могу надеяться, что не увижу Холбурна? Что мне не грозит опасность... как это правильно сказать... наскочить на него?

– Столкнуться с ним, – поправила графиня. – Нет, моя дорогая. Очень сомневаюсь, что такое возможно.

– Мерси, мадам! – вырвалось у Камиллы. – Мерси, мадам.

Однако лицо графини приняло задумчивое, слегка печальное выражение. Мысли ее, похоже, витали где-то далеко.

– Когда я была девочкой, у меня была гувернантка-француженка, – наконец проговорила она. – Очень воспитанная дама... ее фамилия была, если не ошибаюсь, Виньо. А ее семья, если не ошибаюсь, откуда-то из Сент-Леонарда. Скажите, дорогая, деревня, в которой вы жили в детстве, случайно, не в тех краях?

– Да, мадам, – кивнула Камилла. – Совсем рядом. Семья Виньо хорошо известна в тамошних местах.

– Мадемуазель Виньо пробыла у нас совсем недолго, – продолжала графиня. – Я была очень привязана к ней, но, увы, ее родственники настояли на ее возвращении – видите ли, им удалось подыскать ей блестящую партию... насколько я помню, ее просватали за кого-то из местных дворян.

– Да, ей повезло, – пробормотала Камилла.

– Не только ей, но и нам с вами. – Леди Шарп задумчиво побарабанила по столу. – Думаю, мне не составит большого труда воспользоваться этим, чтобы объяснить, откуда мы вас знаем. Я имею в виду – чтобы никто не удивлялся, почему вы остановились именно в нашем доме.

Внезапно за дверью послышался какой-то шум. Камилла, бросив взгляд через плечо леди Шарп, увидела стоявшую на пороге очень высокую, тонкую и гибкую, как тростинка, женщину в темно-синем дорожном костюме. Графиня, проследив за ее взглядом, повернулась к двери.

Незнакомая леди залилась краской и заметно смешалась.

– О господи! – смущенно пробормотала она. – У тебя гостя. А я нарочно приехала пораньше, надеялась застать тебя одну. Простите, ради бога!

Леди Шарп, вскочив с кресла, бросилась к ней с распростертыми объятиями.

– Моя дорогая, как я рада! Входи же! – радостно воскликнула она. – Конечно, для посетителей еще слишком рано. Но мадемуазель Маршан – не гостя, она какое-то время поживет у нас. Входи же! Сейчас я вас познакомлю.

Молодая женщина, переступив порог, стала нетерпеливо развязывать ленты шляпки. Камилла украдкой окинула незнакомку взглядом – судя по мягко округлившемуся животу, та была на втором или третьем месяце беременности.

– Я действительно должна извиниться, – снова пробормотала та, стащив с себя шляпку, и целая копна темных блестящих волос упала ей на плечи. – Вместо того чтобы ждать, когда тебе доложат о моем приезде, я просто незаметно прошмыгнула мимо бедного старого Строзерса. Понимаешь, я надеялась, что ты, возможно, сидишь тут с малышом...

– Я попрошу принести его сюда, но немного погодя, – пообещала леди Шарп, подтолкнув незнакомку к Камилле. – А теперь... Ксантия, позволь представить тебе мадемуазель Маршан. Камилла, это моя кузина, леди Нэш.

Молодая леди, широко улыбаясь, приветливо протянула руку.

– Вы ведь француженка, не так ли?! – восторженно воскликнула она. – Ну конечно, я сразу догадалась. Достаточно взглянуть на ваше платье и мантилью. Чисто парижский шик! Стоило мне только вас увидеть, как я тут же почувствовала себя такой неуклюжей, такой толстой!

– Вы слишком добры, мадам, – пробормотала Камилла.

– Ну а теперь садись, моя дорогая, – добродушно сказала леди Шарп, наливая гостье кофе.

– Ой, я только на минутку! – воскликнула молодая леди, осторожно опускаясь в кресло. – Карета ждет меня у дверей. Вообще-то я собиралась в Уоппинг.

– Понятно. – Камилле показалось, что леди Шарп вдруг смутилась. – А твой брат... он ничего тебе не говорил о... м-м-м... нашей гостье?

– Киран? – переспросила леди Нэш. На лице ее появилось слегка озадаченное выражение. – Господи... нет. А что? Разве он уже успел познакомиться с мадемуазель Маршан?

– Э-э-э... да, – туманно пробормотала графиня, – успел. И даже успел сделать мадемуазель Маршан предложение. И она приняла его.

Молодая леди застыла и машинально обхватила руками живот.

– Я... я, наверное, ослышалась... – заикаясь, пролепетала она. – Как ты сказала?..

– Киран и мадемуазель Маршан – Камилла – собираются пожениться, – повторила графиня. – Так что можешь поздравить невесту своего брата.

На лице леди отразился самый настоящий ужас.

– Это что – шутка?! – выдавила она.

Камилла почувствовала, что ее лицо запылало. Разве можно надеяться, что семья Ротуэлла примет ее? Да они возненавидят ее с первого взгляда. Наверное, она окончательно рехнулась, раз осмелилась мечтать о подобном! Имея такого отца, как Валиньи, глупо даже смотреть в сторону Англии – а она вознамерилась обосноваться тут навсегда.

– Ксантия! – резко прикрикнула леди Шарп. – По-моему, ты должна порадоваться за них!

Лицо леди Нэш внезапно утратило свой прелестный румянец.

– Так, стало быть, ты это серьезно?! – выдохнула она. – Э-э-э... да... конечно. Мадемуазель Маршан, примите мои поздравления. Желаю вам обоим счастья. Надеюсь, вы извините меня... просто для меня это было полнейшей неожиданностью.

– Мерси, мадам, – кивнула Камилла. Натянута улыбнувшись, она встала. – Насчет нашего брака существовала предварительная договоренность. А познакомились мы совсем недавно.

Простите, сейчас, думаю, мне лучше подняться к себе. Наверное, вам не терпится поговорить наедине.

Она направилась к двери, но леди Нэш порывисто схватила ее за руку.

– Не уходите, моя дорогая, – взмолилась леди Шарп. – Просто мы с вами здорово удивили Ксантию, вот и все. Можете не сомневаться, я еще устрою Кирану хорошую головомойку! Негодник поставил нас всех в такое неловкое положение, а сам сбежал!

Повернувшись, Камилла изящно присела в реверансе перед леди Шарп.

– Благодарю вас, мадам, за вашу доброту, – холодно проговорила она. – И за ваше гостеприимство. Но сейчас, думаю, будет лучше, если я вернусь в свою комнату.

Провожаемая взглядами обеих дам, она поспешно бросилась к двери – ей казалось, эти взгляды выжгут дыру у нее в спине.

Когда Ксантия вихрем ворвалась в дом на Беркли-сквер, первый, на кого она наткнулась, был Трэммел – подняв голову вверх, темнокожий дворецкий следил за тем, как одну из тяжелых люстр снимают, чтобы стереть с нее пыль.

– Доброе утро, мисс Зи, – невозмутимо бросил Трэммел через плечо. – Стоп, стоп! Ни шагу дальше! – вдруг завопил он так, что она вздрогнула.

– Что такое? – резко бросила Ксантия. Господи, да что сегодня за день такой, промелькнуло у нее в голове... все словно с ума посходили!

Дворецкий с трудом оторвался от созерцания целого водопада сверкающих хрустальных подвесок, после чего обернулся наконец, и лицо его мгновенно просветлело.

– О, мисс Зи, простите! Видите ли, дело в том, что эта люста... – При этих словах хрустальные подвески издали протестующий звон. – Проклятье, я же сказал, довольно! – заорал дворецкий, задрав голову вверх и явно обращаясь к кому-то на самом верху лестницы. – Хватит. Теперь опускай вниз, слышишь?

Жалобное позвякивание хрусталя, словно по мановению волшебной палочки, мгновенно прекратилось. Видимо, успокоившись, дворецкий отошел от лестницы и заторопился к Ксантии.

– Прошу прощения, мэм! – пробормотал он, умоляюще всплеснув кофейного цвета руками. – Сегодня все в доме просто вверх тормашками!

– Кто бы сомневался, – пробормотала Ксантия, разглядывая сверкающую хрустальную сосульку, угрожающе раскачивающуюся в воздухе у нее перед глазами. – Послушай, тут полно пыли! Но с чего это тебе вздумалось тащить этакую тяжесть вниз? К тому же мы практически никогда не зажигаем эту люстру. По-моему, мы даже никогда не замечаем ее.

Услышав такое, дворецкий снова воздел руки к небу.

– Я тут ни при чем, мэм! – простонал он. – Очередная прихоть хозяина.

– Что, снова навеселе, да? Опять раздает направо и налево дурацкие приказы?

– Вообще говоря, миледи, сдастся мне, хозяин сегодня относительно трезв, – осторожно просеменив на цыпочках к ней, шепнул ей на ухо дворецкий. – Во всяком случае, был, когда отдавал мне распоряжения насчет дома.

– Что за распоряжения? – насторожилась Ксантия.

Трэммел страдальчески закатил глаза.

– Нам велено вымыть дом «сверху донизу», – уныло пробормотал он. – Выбить все ковры, снять и вытряхнуть все гардины, протереть все до единой тарелки... даже проветрить чердак – и все это до конца недели, вы представляете, мисс Зи?! – возопил он.

– А где он сейчас?

Из груди Трэммела вырвался шумный вздох облегчения.

– У себя в кабинете, мэм, – сказал он. – Только умоляю вас, осторожнее! Обельенна говорит, его светлость сегодня в очень странном настроении.

– Да уж... держу пари, так оно и есть, – пробормотала Ксантия, избегая по лестнице.

Им с Кираном здорово повезло, что Трэмел и мисс Обельенна согласились вместе с ними переехать с Барбадоса в Лондон. Похоже, эти двое – единственные из всех слуг – были готовы по-прежнему мириться с чудовищным нравом ее брата. Остальные, едва услышав о том, что Ксантия намеревается выйти замуж, оставили их дом еще несколько месяцев назад.

Идя к брату, Ксантия с удовольствием вдыхала аромат мастики, исходивший от натертого до зеркального блеска паркета из кедрового дерева, и пряных специй из кухни Обельенны. Это все были запахи их детства – ее и Кирана. Переехав из Вест-Индии в Лондон, они привезли их с собой, и даже теперь, когда их детские годы остались далеко позади, эти ароматы всякий раз возвращали их в прошлое.

Она нашла Кирана у одного из окон, выходящих в сад, – широченные плечи брата почти полностью загораживали свет. Держа в руках бокал с бренди, он стоял, глядя в окно – и не удосужился повернуться, пока она не окликнула его.

– Господи помилуй, Киран! – возмутилась она. – Еще ведь и одиннадцати нет! Не слишком ли рано ты начинаешь?!

Он неторопливо повернулся – но вид у него при этом был на удивление трезвый.

– Одиннадцать, говоришь? – Он поднес бренди к губам, посмотрел на сестру через стенки бокала, после чего сделал осторожный глоток. – Тогда уж не рано, а скорее поздно. Если честно, я еще не ложился.

Ксантия раздраженно дернула ленты шляпки – опять запутались, как назло!

– Нет, это черт знает что такое! Киран, ты что, окончательно спятил?! – завопила она, всплеснув руками и не заметив при этом, что шляпка сползла ей на один глаз. – Я только что была у Памелы! И знаешь, что я от нее услышала?! Нет, отвечай!

В глазах Ротуэлла промелькнуло что-то странное.

– Ах, это... – негромко пробормотал он. Потом, поставив бокал на массивный стол красного дерева, со вздохом повернулся к сестре. – Стой смирно! – рявкнул он. – Не то ты того гляди придушишь себя. Оттого, что ты злишься, узел быстрее не развяжется.

– Нет, это просто возмутительно! – снова прошипела она, задрав подбородок, пока ловкие пальцы брата распутывали окончательно затянувшийся узел. – О чем ты только думаешь, хотелось бы мне знать?! Сделать предложение первой попавшейся женщине... нет, это ни в какие ворота не лезет! И потом, я вообще не верю, что ты собрался жениться!

Он с усмешкой вздернул вверх густую темную бровь.

– Неужели? – вполголоса пробормотал он, искоса глянув на раскрасневшуюся от возмущения сестру. – Оказывается, ты обладаешь даром ясновидения, моя дорогая? Почему же ты скрывала это от меня, Зи? – В конце концов ему удалось-таки распутать проклятый узел. С той же странной усмешкой Ротуэлл осторожно стянул с сестры шляпку.

Все то время, пока он возился с лентами, Ксантия буравила его негодующим взглядом.

– Насколько я помню, ты никогда не выказывал ни малейшей склонности к семейной жизни, – кипятилась она. – Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, тебя даже ни разу не видели в обществе порядочных женщин! И вот теперь вдруг эта несчастная девушка!

– С чего это тебе, позволь узнать, вздумалось назвать ее несчастной? – осведомился Ротуэлл. Направившись к письменному столу, он выдвинул один из ящиков и вытащил из него тонкую черуту.

Ксантия в отчаянии всплеснула руками:

– О, ради всего святого, убери эту гадость! Предупреждаю тебя – меня вырвет, слышишь?!

– Понятно. – Ротуэлл вернул черуту обратно в ящик.

– Ничего тебе не понятно! – Ксантия подскочила к столу – она понимала, что визжит, как базарная торговка, но ничего не могла с собой поделать. – У меня челюсть отвисла, когда я

услышала, что ты намерен на ней жениться... а бедняжка наверняка вообразила, что я невзлюбила ее с первого взгляда. Она была в ужасе. Вообще говоря, я тоже была в ужасе, – мрачно добавила она.

– А она и в самом деле тебе не понравилась? – В голосе брата проскользнуло что-то похожее на предостережение.

– Понятия не имею, – фыркнула Ксантия. – Откуда мне знать! Но зато я точно знаю, что мне не хочется, чтобы ты женился на этой девушке!

– Почему? – Он, словно в насмешку, опять вскинул одну бровь.

– Потому, Киран, что ты сломаешь ей жизнь! – объявила она. – А то ты не знаешь свой отвратительный характер?! Или ты намерен с завтрашнего дня стать совсем другим человеком?

– Боюсь, для этого я уже слишком стар – так что поздно меня перевоспитывать, Ксантия, – буркнул Ротуэлл. – Или ты забыла, как сама называла меня погрязшим в грехах распутником?..

Ксантия, обойдя стол, уселась в стоящее рядом с ним кресло и тяжело вздохнула. Разговор с братом явно пошел не так, как надо, недовольно подумала она. По мере того как ребенок рос у нее в животе, она становилась все более беспокойной и раздражительной.

– Ради всего святого, Киран, скажи хотя бы, как тебя угораздило нарваться на дочку Валиньи? – уже спокойнее поинтересовалась она. – Неужто он обнаглел до такой степени, что официально представил ей тебя?

– Нет, конечно. Я просто выиграл ее в карты, – невозмутимо объявил Ротуэлл, глотнув бренди.

– О господи! – Глаза у Ксантии едва не выпали из орбит. Она снова машинально схватилась за живот, почувствовав, что голова у нее пошла кругом. Кожа у нее вдруг покрылась испариной, ноги стали ватными. – О боже... кажется, я рожая! Честное слово... рожая! А все из-за тебя! – зажмурившись, плаксиво простонала она.

К ее величайшему изумлению, Киран позеленел и, подскочив как ужаленный, бросился к ней с каким-то журналом в руках.

– Ты просто немного устала, – твердил он, заботливо обмахивая ее журналом, словно опахалом. – Дыши же, Зи, черт тебя возьми! О чем ты толкуешь? Тебе же еще рано рожать... или нет?!

– Наверное, да, – не открывая глаз, пробормотала Ксантия. – Хотя откуда мне знать? У меня такое ощущение, будто я сейчас упаду в обморок. Умоляю тебя, Киран, скажи, что я ослышалась! Не мог же ты в самом деле сказать, что выиграл мадемуазель Маршан в карты!

– Ну вообще-то выиграл – правда, не ее, а право жениться на ней, – уточнил Ротуэлл. – Мне кажется, это все-таки не одно и то же.

Ксантия, приоткрыв глаза, усилием воли заставила себя выпрямиться.

– Похоже, ты серьезно... – протянула она.

– Совершенно серьезно, – подтвердил он. – Прошлым вечером я как раз был у Валиньи.

– Да, я знаю, – сухо буркнула Ксантия. – И кто еще присутствовал при этом спектакле?

– Эндерс и Калверт.

– Лорд Эндерс?! Ужас какой! – ахнула Ксантия. – Этот развратник! О, черт! А если один из них проболтается? Ты ведь понимаешь – если это случится, девушка будет опозорена!

– Я как раз думал об этом, – бесстрастным тоном проговорил Ротуэлл. – Калверта – хоть и с натяжкой – можно назвать джентльменом, так что он будет молчать. А вот Эндерса придется припугнуть. Да и Валиньи тоже, причем чем быстрее, тем лучше.

Господи, как можно с таким ужасающим равнодушием рассуждать о собственной женитьбе, с отчаянием подумала Ксантия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.